

***«Қазақстан Республикасында халықаралық білім беру жобаларын жүзеге асырудың тарихын, проблемаларын және келешегін көп қырлы зерттеу» жобасы шеңберіндегі
«Жаһандық әлемдегі халықаралық білім беру жобаларының экономикалық рөлі» халықаралық ғылыми іс-шараларының екінші циклінің материалдары
2019***

***Материалы второго цикла международных научных мероприятий
«Экономическая роль международных образовательных проектов в глобальном мире»
в рамках проекта «Многоаспектное исследование истории, проблем и перспектив внедрения международных образовательных проектов в Республике Казахстан»
2019***

***Materials of the second cycle of international scientific events "The economic role of international educational projects in the global world"
within the framework of the project "Multidimensional study of the history, problems and prospects of the introduction of international educational projects in the Republic of Kazakhstan"
2019***

**Алматы / Almaty
2019**

«Қазақстан Республикасында халықаралық білім беру жобаларын жүзеге асырудың тарихын, проблемаларын және келешегін көп қырлы зерттеу» жобасы шеңберіндегі

«Жаһандық әлемдегі халықаралық білім беру жобаларының экономикалық рөлі» халықаралық ғылыми іс-шараларының екінші циклінің материалдары
2019

Материалы второго цикла международных научных мероприятий «Экономическая роль международных образовательных проектов в глобальном мире»

в рамках проекта «Многоаспектное исследование истории, проблем и перспектив внедрения международных образовательных проектов в Республике Казахстан»
2019

Materials of the second cycle of international scientific events "The economic role of international educational projects in the global world"

within the framework of the project "Multidimensional study of the history, problems and prospects of the introduction of international educational projects in the Republic of Kazakhstan"
2019

МРНТИ:12.81.67

Редакторлар алқасы/Редакционная коллегия:

Турарбекова Л.В. – *Руководитель проекта, PhD «Философия»*

(Университет Жан Мулен Лион 3., Франция), к.ф.н.

(КазНПУ им. Абая, Казахстан)

Ашимова Р.М. – *PhD «Экономика» (КазНПУ им. Абая, Казахстан)*

Карымсакова К.К. – *магистр наук*

Технический секретарь:

Маткаримова Л.К. – *докторант*

КазНПУ имени Абая, старший преподаватель

«Жаһандық әлемдегі халықаралық білім беру жобаларының экономикалық ролі»: Электрондық басылым. ХҒПК матер. – **«Экономическая роль международных образовательных проектов в глобальном мире»:** Электронное издание. КазНПУ имени Абая. Материалы МНПК – Алматы, 2019. – 114 бет.

МРНТИ:12.81.67

В сборнике представлены научные доклады участников **второго цикла международных научных мероприятий «Экономическая роль международных образовательных проектов в глобальном мире»** в рамках проекта «Многоаспектное исследование истории, проблем и перспектив внедрения международных образовательных проектов в Республике Казахстан»: международная научно-практическая конференция «Влияние глобальных экономических процессов на образовательные стратегии государств Западной Европы и Центральной Азии» и международный круглый стол «Экономическая эффективность образовательных стратегий стран Европы и Центральной Азии», 4 апреля 2019 г., Алматы Менеджмент Университет; международный научно-практический семинар «Интеллектуальный капитал стран Центральной Азии в постиндустриальном мире», 2-3 сентября 2019 г., Алматы Менеджмент Университет.

Организаторы благодарят всех авторов, принявших в ней участие, желают им дальнейших творческих успехов, развития и укрепления научных связей во благо процветания Родины!

КазНПУ им Абая, 2019

Турарбекова Л.В., *Ph.D, ф.з.к.*;
Ашимова Р.М., *PhD*; Карымсакова К.К., *PhD докторант*;
Маткаримова Л.К., *PhD докторант*

«АҒАРТУ ДЕГЕНІМІЗ НЕ?» – ҚАЗАҚСТАН МОДЕРНИЗАЦИЯСЫНЫҢ АНТРОПОЛОГИЯЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ ТУРАЛЫ

Аңдатпа

Қазақ және еуропалық ағартудың философтары мен ойшыл – қайраткерлерінің және теоретиктерінің мәтіндерін талдау негізінде мақалада қазіргі Қазақстан Республикасында жаңғырту үдерістерінің философиялық және идеологиялық негіздерінің кейбір мәселелері ашылады. Атап айтқанда, 1784 жылғы эсседе Иммануил Кантпен ағарту анықтамаларын, деректерді салыстырмалы талдау жүргізіледі "Сұраққа жауап: Ағарту дегеніміз не?", одан басқа – Шоқан Уәлихановтың 1864 жылы жарық көрген "Сот реформасы туралы жазба" атты шығармасында. Сонымен қатар, ХХ ғасырдың екінші жартысында Батыс философтары Ханн Арентт, Юрген Хабермас, Мишель Фуко, Жак Деррида жасаған мәтіндерді тікелей авторлық талдау және ағарту теоретиктерінің сыни талдауы қолданылады. Жалпы алғанда, мақала тек техникалық (Индустрия 4.0), экономикалық (сандық экономика), сонымен қатар Қазақстан Республикасын жаңғырту процесінің идеологиялық және теориялық шеңберін айқын белгілеу мақсатында философиялық, тарихи, антропологиялық, саяси және әлеуметтік талдаудың объектісі ретінде қарастыруға қажетті Қазақ модернизациясы проблемасын ықтимал қоюға баса назар аударады ("сананы жаңғырту" тұжырымдамасы).

Турарбекова Л.В., *Ph.D, к.ф.н.*; Ашимова Р.М., *PhD*;
Карымсакова К.К., *докторант PhD*; Маткаримова Л.К.,
докторант PhD

«ЧТО ТАКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ?» – К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ КАЗАХСТАНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация

На основании анализа текстов философов и мыслителей – деятелей и теоретиков казахского и европейского Просвещения – в статье раскрываются некоторые вопросы философских и идеологических

оснований процессов модернизации в современной Республике Казахстан. В частности, проводится сравнительный анализ определений Просвещения, данных, с одной стороны, Иммануилом Кантом в эссе 1784 года «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?», с другой – Чоканом Валихановым в произведении 1864 года «Записка о судебной реформе». При этом используется как непосредственный авторский анализ самих текстов, так и критический анализ теоретиков Просвещения, проделанный во второй половине XX века западными философами Ханной Арендт, Юргеном Хабермасом, Мишелем Фуко, Жаком Деррида. В целом, статья акцентирует внимание на возможной постановке проблемы казахской модернизации, которую необходимо рассматривать как объект философского, исторического, антропологического, политологического и социального анализа с целью ясного обозначения не только технических (Индустрия 4.0), экономических (цифровая экономика), но и идеологических и теоретических рамок процесса модернизации Республики Казахстан (концепция т.н. «модернизации сознания»).

"WHAT IS THE ENLIGHTENMENT?" – TO THE QUESTION OF THE ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF KAZAKHSTAN'S MODERNIZATION

Abstract

Based on the analysis of the texts of philosophers and thinkers – figures and theorists of the Kazakh and the European Enlightenment – the article reveals some questions of philosophical and ideological foundations of modernization processes in the modern Republic of Kazakhstan. In particular, a comparative analysis of the definitions of the Enlightenment, given by Immanuel Kant in the 1784 essay "The Answer to the question: What is the Enlightenment?" on the one hand, and, on the other, by Shokan Walikhanov in the 1864s work "The Note on Judicial Reform." The research is based on the direct author's analysis of the texts themselves, as well as the critical analysis of Enlightenment theorists, made in the second half of the 20th century by Western philosophers Hannah Arendt, Juergen Habermas, Michel Foucault, Jacques Derrida. In general, the article emphasizes the possible staging of the problem of Kazakh modernization, which should be considered as an object of philosophical, historical, anthropological, political and social analysis in order to clearly designating not only technical (Industry 4.0), economic (digital economy), but also ideological and theoretical framework of the process of modernization of the Republic of Kazakhstan (the concept of the so-called "modernization of consciousness").

« Si je renonce à ma raison, je n'ai plus de guide [...]. Égaré dans une forêt immense pendant la nuit, je n'ai qu'une petite lumière pour me conduire».
«Если я откажусь от своего разума, у меня больше не будет проводника (...).
У меня, заблудившегося ночью среди бесконечного леса,
есть только маленькая свеча, которая освещает мой путь».
Diderot, *Addition aux pensées*

1. Введение.

В самом термине «просвещение» содержится идея некоторого света – света разума. В приведенной выше цитате Дидро разум предстает как некая свеча, небольшой свет, который ведет человека по темному лесу невежества. Русское слово «просвещение» в данном случае является прямой калькой с европейских *Aufklärung*, *Enlightenment*, *Lumières* (*Siècles des Lumières*). Казахское слово «ағартушылық» повторяет копирующую логику русского термина, имея однокоренным словом «ағарту» – сделать белым (в смысле – «светлым»).

Само выражение «*siècle éclairé*» – «освещенный век» – встречается в исторических, философских текстах французских философов начиная с 1670-х годов. Его употребляют для того, чтобы охарактеризовать деятельность некоторых мыслителей, философов и ученых, целью которой является «осветить век». Например, французский философ Пьер Бейль в 1684 году пишет:

«[...] вот мы и очутились в веке, который изо дня в день становится все более и более просвещенным (éclairé – освещенный / просвещенный), настолько, что все предшествующие века будут по сравнению с ним лишь тьмою». [1]

Помимо истории происхождения термина, для нашего исследования важно также отметить вопрос, связанный со сложностями периодизации. Во-первых, используемые нами для анализа термина тексты принадлежат перу таких мыслителей, как Мишель Фуко («Что такое век Просвещения?») и Юрген Хабермас («Модерн – незавершенный проект» и многие другие тексты – см. раздел «Библиография»). Позиции двух этих авторов прямо противоположны. Если, согласно Фуко, вопрос Просвещения возвращается в XX веке как вопрос о легитимности Запада по отношению к остальному миру в установлении неких «разумных» критериев, критериев «просвещенности» (или, напротив, «непросвещенности», «дикости» народов), критериев рациональности, то, согласно Хабермасу, век Просвещения – или модерн, который является прямым наследником идей эпохи европейского Просвещения – все еще не

окончен, проект идеального общества еще не реализован. Есть ли у Просвещения или любого другого периода в истории идей четкие хронологические рамки? На этот вопрос можно было бы ответить в духе французского философа, утверждавшего, что нет никакого резона, чтобы барокко существовало как эпоха и стиль, мы и есть причина его существования [2].

Вот почему тема Просвещения и модерна важна для казахской философии и истории мысли в Казахстане. Дебаты о хронологических рамках Просвещения, модерна и постмодерна – одни из актуальнейших дебатов в современной философии в глобальном, общемировом контексте. К тому же, согласно официально принятым правительственным программам, Республика Казахстан вступила в период четвертой модернизации. Модернизация же есть некое осовременивание (от английского «modern» – «современный»). Но, приняв за данное необходимость осовременивания Казахстана, возникают сразу несколько философско-терминологических проблем, связанных с идеологией «постсовременных» философий и возможностью осовременить современность. Сама идея четвертой модернизации тесно связана с идеями постиндустриального общества, в экономике которого ведущие позиции занимает инновационный сектор, индустрия знаний, инновационная деятельность. [3]

Концепция постиндустриального общества близка по духу концепции постмодерна в философии, культуре, обществе в целом.

Терминологическая путаница усугубляет сложности связанные с пониманием модернизации как процесса и концепта. Именно вследствие такой терминологической неразберихи представляется необходимым вернуться, что называется, к истокам, к самой первой модернизации Казахстана, к периоду, получившему название «Казахское Просвещение». Не бывает Просвещения вообще, но есть определенные, конкретные воплощения идеи Просвещения. Как свеча Дидро, которая символизирует собой объективированный разум, передачу света знания от носителя к носителю, Просвещение существует только в конкретном процессе коммуникации, то есть передачи знаний. Процесс коммуникации, в свою очередь, обладает конкретными формами, адресован к конкретным личностям с их особенной, обусловленной многими причинами, мотивацией к коммуникации. Не бывает абстрактных носителей неких абстрактных знаний. Просвещение – не только принятое в официальной

периодизации название эпохи, это еще и процесс просвещения, и этот процесс всегда очень конкретен.

В истории мысли Казахстана одним из первых выразил идею о необходимости Просвещения народа Шокан Уалиханов:

...мы думаем, что усвоение европейского, общечеловеческого просвещения и энергичная борьба с препятствиями, мешающими достижению этой цели, должна составлять конечную цель для всякого народа, способного к развитию и культуре. (...) Чтобы сделать киргиза способным к восприятию европейских преобразовательных идей, нужно предварительно путем образования развить его череп и нервную систему. [4, 80]

Наша постановка проблемы и гипотеза строятся вокруг некоторой идеи – или невольной оговорки – Уалиханова при упоминании им возможности «изменить череп киргиза путем образования». Необходимо рассмотреть существующие концепции Просвещения и модерна и постараться выяснить, насколько применимы такие концепции к истории Казахстана и к пониманию происходивших и происходящих в ней процессов.

2. Европейское Просвещение – Кант и *WasistAufklärung*? – теория публичной сферы. Возникновение и развитие идеи субъектно ориентированной рациональности.

Разумеется, в заголовке данной статьи использована калька с кантовского *WasistAufklärung?* («Что такое Просвещение?»). «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» (нем. «*Beantwortung der Frage: WasistAufklärung?*») – это эссе, принадлежащее перу Канта и опубликованное в 1784 году. Данный труд был откликом философа на своего рода «флешмоб», существовавший в Европе 1780-х годов. Вопрос «Что такое Просвещение?» был задан священником Иоганном Зольнером интеллектуальному сообществу Европы, и на него откликнулись многие. Ответ Канта – наиболее известный и популярный. С первых строк Кант дает следующее знаменитое определение:

Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны

кого-то другого. Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения. [5,29]

Характеризуя состояние непросвещенности как «несовершеннолетие» (неправоспособный ребенок), Кант использует юридический термин. При этом причиной такого состояния неправопоспособности является не отсутствие разума, а «леность и трусость». «Опекуны» (вновь юридический термин) берут на себя заботу о трусливом и ленивом ребенке, якобы оберегая его, а на самом деле запугивая, отвращая еще больше от самостоятельной мыслительной деятельности. Однако выйти из такого состояния несовершеннолетия по собственной воле, согласно Канту, легко:

*Для этого просвещения требуется только свобода, а притом самая безобидная, а именно свобода во всех случаях **публично** пользоваться собственным разумом. (...) публичное пользование собственным разумом всегда должно быть свободным и только оно может дать просвещение людям. (...) под публичным же применением собственного разума я понимаю такое, которое осуществляется кем-то как учёным, перед всей читающей публикой. Частным применением разума я называю такое, которое осуществляется человеком на доверенном ему гражданском посту или службе. [5, 31]*

Впоследствии вопрос публичного пространства или публичной сферы как идеально пространства для реализации идеала Просвещения – собственно самого просвещения несовершеннолетних с целью реализации идеала государственного устройства – республики, обсуждается Кантом в его работе 1795 года «К вечному миру».

Проблема создания государства разрешима, как бы шокирующе это ни звучало, даже для дьяволов (если только они обладают рассудком). Она состоит в следующем: “Так расположить некое число разумных существ, которые в совокупности нуждаются для поддержания жизни в общих законах, но каждое из которых втайне хочет уклоняться от них; так организовать их устройство, чтобы, несмотря на столкновение их личных устремлений, последние настолько парализовали друг друга, чтобы в публичном поведении людей результат был таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений. [6, 49]

Для Канта, придававшего огромное значение равновесному соотношению политики и справедливости, способом избегания незаконного поведения граждан по отношению к согражданам и государству, а также государства по отношению к гражданам является

диктатура закона. Никто не стоит выше закона и не имеет иммунитета от надлежащей правовой процедуры. Для «парализации» естественных злых устремлений людей в публичном пространстве существует закон. В XX веке Ханна Арендт таким образом комментирует кантовскую идею публичности:

Чем больше досягаемости – тем больше то пространство, в котором просвещенный человек способен двигаться от точки зрения к точке зрения – тем более «общим» будет его мышление. Эта общность, однако, не является общностью концепции – например, понятие «дом», под которое затем можно подвести различные виды отдельных зданий. Это, напротив, тесно связано с особенностями, с особыми условиями точек зрения, которые нужно пройти, чтобы прийти к собственно «общей точке зрения». [7, 43-44]

«Общая точка зрения» у Арендт (или «общий разум» или «общий смысл») – то, что позже становится у Хабермаса теорией коммуникативной рациональности, то есть рациональности, могущей возникнуть только в процессе коммуникации – противопоставлен здравому смыслу и традиционной морали, которые, по Арендт – источник зла и безмыслия (Эйхман). Возникающая в публичном пространстве общая точка зрения позволяет сохранять свободу политического суждения, но избавляет от опасности власти толпы, руководствующейся *doxa*. Арендт как бы примеряет идеи Канта на историю XX века. Хороший человек для нее – прежде всего хороший гражданин, поддерживающий моральные ценности, связанные с правосудием. «Плохой» гражданин, напротив, это не человек, который хочет зла или «дьявол» (у Арендт игра слов *evil / devil*) в обычном смысле слова. Плохой – тот, кто делает исключение для себя, кто в тайне склонен освободить себя от ответственности.

Еще один теоретик публичного пространства («публичной сферы») Юрген Хабермас, в свою очередь, в своем труде «Структурное изменение публичной сферы» (1962) анализирует процесс возникновения демократической буржуазной публичной сферы (полное название на английском *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* [8]). Так же, как и у Арендт, публичная сфера Хабермаса противопоставлена догматическим идеологиям. Концепт публичности – так называемый нормативный концепт публичности – предполагает, что публичная сфера открыта для всех граждан вне зависимости от их статуса.

Опираясь на работы Арендт, Хабермас стремился привести оригинальные представления Канта о секретности и видимости в соответствие с его концептуализацией буржуазной общественной сферы, которую он рассматривал как историческую категорию и нормативную идею. Хабермас утверждал, что новые привычки буржуазной общественности XVII-XVIII веков, такие как чтение, собрания, публичные обсуждения новых публикаций, литературных произведений и статей, появление профессиональной журналистики и массовых периодических изданий – позволили людям проявлять саморефлексию, приобрести критическую интеллектуальную перспективу, которая вскоре стала политической. Отсюда – возникновение концепции современной субъективности.

Хабермас известен как сторонник идеи неоконченного модерна. Ему чужд, если можно так сказать, цинический взгляд постмодерниста на потенциал разума, рациональности, модерна – современности. Всякая критика идеалов Просвещения и модерна, с его точки зрения, диалектически ассимилируется самим же модерном. Для Хабермаса:

Все больше и больше элементов критики прогресса были ассимилированы теорией прогресса: все для того, чтобы сформулировать идею прогресса, которая является тонкой и достаточно устойчивой для того, чтобы не ослепить себя простой иллюзией эмансипации [9, 56].

Идеи философии модерна – порождение эпохи Просвещения, они основаны на идеалах разума, рациональности, демократии. Хорошее общество, хорошая демократия для Хабермаса остаются возможными. Таким образом, сама идея Просвещения не ограничивается только лишь идеями образования как процесса передачи знаний и навыков от поколения к поколению. Такая трактовка была бы слишком примитивна и не раскрывала бы всей сути вопроса о Просвещении.

Идеи Просвещения и идеалы эпохи модерна глубоко связаны между собой. С этой точки зрения и следуя логике Хабермаса, проект модерна еще не окончен. Согласно Канту, «живем ли мы теперь в просвещенный век (...) нет, но, наверно, мы живем в век *просвещения*» [5, 351]. Следует ли нам придерживаться этих идеалов, учитывая ту критику идеи субъективно ориентированного разума, которую вели постмодернисты, или же нам продолжить демонтаж идеи Просвещения? – это вопрос к аудитории.

С учетом вышесказанного, необходимо вести дебаты о целях и задачах так называемой четвертой модернизации в Республике

Казахстан. Задачей представителей гуманитарных наук является разработка такой теории, которая учитывала бы историческую специфику проникновения идей Просвещения в Казахстан.

3. 20 век – Фуко, Деррида, Хабермас – критика идеи субъективно ориентированной рациональности. Две альтернативы для западной философии XX века: отказ от идеи рациональности (Фуко) или коммуникативная рациональность (Хабермас)? Возвращение к рефлексии о казахском Просвещении и его роли в формировании современной интеллектуальной элиты Казахстана.

В отличие от Хабермаса, противоположной точки зрения придерживались философы так называемой «Французской теории» (Frenchtheory), которых часто называют то постмодернистами, то постструктуралистами. Однако и здесь не все просто. Например, всем известно, что Фуко, которого я имею намерение процитировать сейчас, называл себя модернистом. Тем не менее, вот какого рода характеристику давал Фуко Просвещению в своей статье «Что такое Век Просвещения?»:

Множество процессов второй половины двадцатого века привели к самому сердцу современных дебатов, касающихся вопроса о Просвещении. Во-первых, это та важность, которую приобретает научно-техническая рациональность в развитии производительных сил и игре политических решений. Во-вторых, это сама история «революции», надежда на которую, начиная с конца восемнадцатого века, была порождена рационализмом, к которому теперь мы имеем право обратиться с вопросом о том (...), какую роль он сыграл в появлении последующих деспотизмов, где сама эта надежда была утрачена. Третьим и последним является интеллектуальное движение, в результате которого в конце колониальной эры народы принялись спрашивать у Запада, какие права его культура, его наука, его социальная организация, и, наконец, его рациональность сама по себе может иметь, чтобы претендовать на всеобщую ценность: не мираж ли это, связанный с экономическим господством и политической гегемонией? Два столетия спустя Просвещение возвращается: но вовсе не как способ для Запада осознать свои реальные возможности и свободы, к которым он может иметь доступ, но как способ поставить под сомнение пределы и полномочия, которыми он злоупотреблял. Разум как деспотический свет. [10, 12]

Два текста и две метафоры Просвещения, потрясающие по своей силе. С одной стороны, зыбкая свеча Дидро, маленький огонек в лесу,

во тьме невежества. С другой – фукодианский образ деспотического света, прожектор разума, в лучах которого ты словно бы на ладони, от которого тебе не скрыться – метафора тюремного, лагерного мира, символ деспотизмов XX века.

Прежде всего с вопросов о Просвещении и современности (модерне) мы должны начать наш дискурс о современном Казахстане. Необходимо поднять проблему казахского Просвещения и возможности применения понятия «современность» (модерн) к истории культуры, нетипичной по отношению к истории Запада. Предпосылка этого вопрошания философская и, в то же время, историческая, а также политическая. Давайте приступим к рассмотрению этих трех компонентов.

Данное вопрошание философично, так как выражает сомнение в универсальности самой идеи Просвещения. Действительно, является ли проект «Просвещение» универсальным? Теории Фуко и Хабермаса с этой точки зрения – две альтернативные теории, которые задавались одним и тем же вопросом о том, является ли современность завершенным или незавершенным проектом. Но проблема завершения или незавершения современности как процесса не исчерпает проблему современности. Именно универсальность современности должна вызывать наибольшую озабоченность.

Понимание предыдущего философского аспекта вопрошания о Просвещении возвращает нас к его историческому аспекту. Вопрос об универсальности идеалов Просвещения потребует не только знания более или менее принятой периодизации в западной истории и в истории философии, но и знания той исторической и философской периодизации, которая заслуживает названия «имитация периодизации». Это период казахского Просвещения. В казахстанской науке принято считать, что период Просвещения в Казахстане начинается в первой половине XIX века. Но было ли казахское Просвещение Просвещением?

По историческим причинам и до обретения независимости в 1990-х годах Казахстан пошел по пути развития исторической, политической, экономической и социальной мысли России. С 1840-х по 1850-е годы интеллектуальная дискуссия в России вращалась вокруг вопроса о влиянии европейского Просвещения на российское общество и на национальную идентичность. Несмотря на противоположные позиции относительно интерпретации роли и судьбы России и ее отношений с Европой, европейское Просвещение признавалось как желательный путь развития.

«Темным прекурсором» идей деколонизации второй половины XX века можно считать теорию вечно догоняющего развития русской культуры, предложенную в работах первых евразийцев и, в частности, Н.С. Трубецкого. Применение исторической (и культурной) сетки западного мира по отношению к исторической и географической реальности евразийского пространства несет в себе негативную и вредную коннотацию для понимания того, что такое Российская империя [11; 12; 13; 14]. Не «Кромвель», не «Кант», не «Дидро», а «Чингис-хан» как образ объединяет народы евразийского пространства, согласно Н.С.Трубецкому. Именно эта идея преодоления состояния догоняющей культуры будет значительно позже, в 1963 году, озвучена Жаком Деррида:

Возможно, это бесконечное несчастье ученика связано с тем, что он еще не знает, или до сих пор скрывает от себя, что, как и в реальной жизни, учитель всегда отсутствует. Поэтому необходимо сломать лед, или, вернее, зеркало, отражение, бесконечных спекуляций ученика об учителе. Иначе говорить. [15, 460]

Но, несмотря на существование «темных прекурсоров» идей деколонизации сознания, которые предлагали рассматривать историю евразийского пространства как отдельную от общепринятой периодизации европейского типа, для стран Центральной Азии предполагалась очевидной необходимостью повторить – с хронологической задержкой более чем на столетие – общие этапы в периодизации западной истории.

Просвещение – эта «священная корова» в истории западной мысли – берет свое собственное начало в представлении об освобождении человечества с помощью разума, но само же и создает карикатурную форму идеи эмансипации народов: понятие «национальных» просвещений. Настоящий исторический, политический, экономический фон национальных просвещений был далек от обстоятельств, из которых возникло классическое Просвещение. Идея грамотности заменяет идею о возможности публичного высказывания. Казахские философы, а также представители так называемых гуманитарных и социальных наук, должны приложить усилия, чтобы пересмотреть роль этой (самой первой) модернизации казахстанского общества, называемой «казахским Просвещением».

Несколько возникающих в связи с вышесказанным программных вопросов звучали бы, вероятно, следующим образом.

Во-первых, насколько целесообразно применение или приложение идей Хабермаса, его теории коммуникативного действия, коммуникативной рациональности и буржуазной публичной сферы к казахстанской исторической, социальной реальности? Здесь, конечно, следует оговориться, что сама теория Хабермаса и ее приложение к нашим реалиям требует определенного допущения, связанного с принятием как должного положений этой самой теории. Ведь и сами эти идеи критиковали за их утопичность [16]. Коммуникативная рациональность якобы сама из себя возникнет, если свободной публичной коммуникации ничего не будет мешать. Тем не менее, математическая теория коммуникации [17], например, включает шум как необходимое и неизбежное условие всякой коммуникации. Этот так называемый «шум» присутствует во всех видах нашей повседневной коммуникации постоянно. Получаемый месседж неизбежно будет искажен, думать иначе – утопия.

Поэтому из того факта, что из публичной сферы, возникшей вследствие интенсивного обмена идеями в эпоху Европейского Просвещения, вышла буржуазная демократия, вовсе не следует, что этот же процесс свойствен любому обществу. Вот почему возможность применения теории Хабермаса к казахстанским реалиям является спорным моментом нашей теории.

Во-вторых, если мы все же применим теоретические положения Хабермаса к нашим казахстанским и центральноазиатским реалиям, следует ли нам все еще говорить о казахском Просвещении? Не целесообразнее ли назвать данную эпоху как-то иначе? Ведь, хотя с практической точки зрения может представляться странным предложение поменять уже привычное, устоявшееся название исторического периода, мы можем сослаться на Делеза и его мнение о том, почему барокко существует как эпоха.

К тому же сами идеологические основания европейского Просвещения, как мы заключили из данного Кантом определения, есть основания правового, юридического характера. Разум, понимаемый как объективированный интеллект, пережил свои исторические приключения. Тем не менее представление об источнике этого объективированного интеллекта играло, согласно упомянутым философам, значительную роль в формировании не только представлений о взаимоотношения субъект/объект, но и в практической, политической жизни. Присутствует ли некая рациональность и каковы представления о ней в казахстанской жизни?

Предположим, что истоки казахского Просвещения не юридического, правового, политического в конечном итоге характера, как мы видели это у Канта, но они носят антропологический характер («череп киргиза» у Валиханова). В таком случае публичное арендтовское пространство или публичная хабермасовская сфера не могли возникнуть только лишь из идеи воспитания кочевника путем изменения его физической сути («черепа»). Существовала ли казахская рациональность и, если да, каким могло быть казахское кантианско-арендто-хабермасовское публичное пространство или его эквивалент?

4. Хабермас и «жизненный мир». К вопросу об осовременивании Казахстана.

Для Хабермаса язык является важной частью человеческого развития. Неискаженное общение может заложить основу освободительной практики, а искаженное общение может привести к ложному сознанию. Следовательно, публичное пространство невозможно без создания той *idealspeechsituation*, в которой каждый может высказываться без препятствий языку, коммуникации. Именно публичная сфера – залог идеального (буржуазного) демократического устройства.

Не существует альтернативы капитализму, и не должно быть такой альтернативы. Благодаря капитализму, человечество оказалось способным производить огромные богатства. Тем не менее, некоторые из фундаментальных проблем капиталистической экономики необходимо контролировать – такие, например, как тенденция к циклическому повторению экономических кризисов. Возродив публичную сферу в том виде, в котором она привела к возникновению буржуазной демократии, позволит нам восстановить контроль над экономическими процессами.

Такая идеальная демократия – не демократия парламента. Хабермас говорит о рационализации жизненного мира. Но то, что происходит сегодня, это колонизация рациональности жизненного мира рациональностью системы. Государство, т.е. системная рациональность, приобрело гегемонию в нашей повседневной жизни. На практике жизненный мир стал подчинен государственной или системной рациональности. Это не современность.

В государственной системе есть своя рациональность – парламент, исполнительная власть, судебная система и другие институты общественной сферы. В этой системе доминирует формальная, бюрократическая рациональность, захватившая собой и наш

жизненный мир, тогда как в мире жизни есть практическая рациональность. В такой ситуации Хабермас утверждает, что истинно рациональным обществом было бы общество, в котором и система, и жизненный мир (life-world) могут рационализироваться по-своему, следуя своей собственной логике.

Мир жизненного мира иной, чем мир картин мира. Жизненный мир не имеет ни значения возвышенного космоса или порядка вещей, ни последовательности времен мира, вытекающих из истории спасения. Жизненный мир не предстает перед нашими глазами как теория, а напротив, мы находим себя в нем дотеоретически. Он нас захватывает и носит, в том смысле, что мы, как конечные существа, обращаемся с тем, с чем мы сталкиваемся в мире. Гуссерль говорит о «горизонте» жизненного мира и о его «приземлённой» функции. Жизненным миром является соответственно не переходимый, но интуитивно сопровождающий (нас) горизонт опыта. Он – фон наших присутствующих переживаний, за который нельзя зайти; нашего персонального, вытекающего из исторической ситуации, телесно воплощенного и коммуникативно-обобществленного повседневного существования. Мы осознаем себя перформативно, как переживающие субъекты, включенные в органические, жизненные процессы, а также как субъекты обобществленные, то есть включенные в социальные отношения; а также как субъекты действующие, вмещающиеся в мир. [18]

Рационализация системы и мира жизни приведет к обществу с материальным изобилием и контролем над окружающей средой в результате рациональных систем и истины, добра и красоты, вытекающих из рационального мира.

Осовременивание возможно, но конечный его продукт – урегулирование взаимосвязей между системой и жизненным миром. Полностью рациональным обществом является то, в котором и система, и жизненная рациональность позволили выразить себя в полной мере, не разрушая друг друга. Современные проблемы не могут быть решены системным обучением. Но импульсы из мира жизни должны войти в область управления систем. Это стало бы важным шагом на пути к созданию взаимообогащающего мира жизни и системы. Именно здесь социальные движения входят в картину, потому что они представляют собой надежду на окупаемость системы и мира жизни, с тем чтобы они могли рационализироваться в максимально возможной степени.

5. Заключение и рекомендации

Пожалуй, наиболее очевидным выводом данной статьи была бы осторожная рекомендация о переосмыслении исторических предпосылок формирования казахстанской интеллигенции. Такими историческими предпосылками были, разумеется, административная реформа, сопровождавшая присоединение Казахстана к Российской империи и связанный с этим процесс начала формирования интеллектуальной элиты среди местного населения. Безусловно, должны продолжаться и проводится серьезные исследования трагических моментов нашей истории – трагедия Алаша. Кроме того, неоднозначной является и история формирования и развития советской интеллектуальной элиты Казахстана. И главный вопрос заключается в оценке, в видении дальнейшего развития и интеллектуальной или претендующей на интеллектуальность элиты Казахстана, и в целом общества и роли интеллектуала в нем.

Что такое «Казахское Просвещение»? В этой связи должна быть выстроена систематическая углубленная концептуальная рефлексия существующих трендов в развитии – например, государственные программы, которые должны, на мой взгляд, иметь более углубленную концептуальную интерпретацию. Именно так мы сможем в полной мере осознать суть и, возможно, предсказать судьбу казахстанской модернизации.

Список использованной литературы:

1. Pierre Bayle, *Nouvelles de la république des lettres*, 1684.
2. Deleuze Gilles, *Le Pli. Leibnitz et le Baroque*, Paris, Editions de Minuit, 1988.
3. «Постиндустриальные тренды в стратегии инновационного развития Республики Казахстан»: коллективная монография / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – 248 с.
4. Валиханов Ч.Ч. «Записка о судебной реформе» // Валиханов Ч.Ч. «Собрание сочинений» в 5-ти томах. Т.4. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 462 с. – С.77-104.
5. Кант И. «Ответ на вопрос: Что такое просвещение?», 1784, пер. Ц.Г. Арзаканьяна // Собрание сочинений в восьми томах. Том 8. – М.: Чоро. – 1994. – 718 с. – С.29-38.
6. Кант И. «К вечному миру», 1795, пер. А.Гулыга // Собрание сочинений в восьми томах. Том 7. – М.: Чоро. – 1994. – 495 с. – С.5-49

7. Arendt Hannah, *Kant Lectures*, Chicago, The University of Chicago Press, 1992.
8. Habermas, J. (1989). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Polity. 1989.
9. Habermas J. (1979). Consciousness – Raising or redemptive criticism – The contemporaneity of Walter Benjamin. *New German Critique*, 17 (Spring 1979), 56.
10. Foucault M. (1984). Qu'est-ce que les lumières?. In *Dits et Ecrits* (Vol. 4, pp. 562–578). Paris: Gallimard.
11. Трубецкой Н.С. (1920). Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоиздательство.
12. Трубецкой Н.С. (1925). О туранском элементе в русской культуре. In П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Н.С. Трубецкой (Ed.), *Евразийский временник* (pp. 351-377). Berlin : 1925.
13. Трубецкой Н.С. (1926; 2000). Наследие Чингисхана. Москва: Аграф.
14. Трубецкой Н.С. (2015). Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. – Москва: Директ-Медиа.
15. Derrida J. (1963). Cogito et histoire de la folie. *Revue de Métaphysique et de Morale*, 4, 460–494.
16. Giddens Anthony, *Profiles and Critiques in Social Theory*, California, University of California Press, 1983.
17. Shannon C.E., “A Mathematical Theory of Communication”, Reprinted with corrections from *The Bell System Technical Journal*, Vol. 27, pp. 379–423, 623–656, July, October, 1948 (<http://math.harvard.edu/~ctm/home/text/others/shannon/entropy/entropy.pdf>)
18. Хабермас: лекция о жизненном мире, 15 сентября 2010, <http://jarki.ru/wpress/2010/09/15/1259/> (Хабермас: өмірлік элем туралы дәріс, 15 қыркүйек 2010 ж. [Http://jarki.ru/wpress/2010/09/15/1259](http://jarki.ru/wpress/2010/09/15/1259))

Taranto Pascal

*Ph.D., Aix-Marseille Univ, Centre Gilles Gaston Granger,
CNRS, UMR 7304., France, pascal.taranto@univ-amu.fr*

FROM THE TRANSMISSION OF KNOWLEDGE TO THE DIGITAL TRANSITION: THE GREAT CHALLENGE OF UNIVERSITIES

Abstract

The article reveals some challenges facing the system of national education in the Republic of Kazakhstan in the field of digitization of academic communication. The study of this problem is inevitable in the era of universal global digital communication in the academic world. According to the objectives of the state program "Digital Kazakhstan" approved by the Government of the Republic of Kazakhstan № 827 12.12.2017: "Industry 4.0, one of the drivers of digital transformation industry, is the concept of production, where additional value is provided by the integration of physical objects, processes and digital technologies, in which physical processes are monitored in real time, decentralized solutions are adopted, as well as the interaction of machines between themselves and people".

The national education is one of those fields where digital communication skills need to be implemented at all levels, while at the same time providing the tasks of educating young people, as well as adequate communication with the global academic world in the process of the internationalization of higher education and research. The article is written within the framework of realization of research project "Multidimensional Research of history, problems and prospects of implementation of international educational projects in the Republic of Kazakhstan" on grant financing of the Ministry of education and science of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: Model of national education, internationalization of higher education and science in the Republic of Kazakhstan, democracy, education, John Dewey, International educational projects, digitalization in the Republic of Kazakhstan, academic communication, communication model, university 4.0.

Таранто Паскаль

*Ph.D., Экс-Марсель Университеті, Жиль Гастон Гранже
орталығының директоры, CNRS, UMR 7304, Франция,
pascal.taranto@univ-amu.fr*

САНДЫҚҚА БІЛІМ БЕРУ АРҚЫЛЫ ӨТУ: УНИВЕРСИТЕТТЕРГЕ ҮНДЕУ

Аңдатпа

Мақалада Қазақстан Республикасының ұлттық білім беру жүйесіндегі академиялық коммуникацияның цифрландыру саласындағы кейбір міндеттер анықталды. Бұл мәселе академиялық тұрғыда жалпы жаһандық сандық коммуникацияда сөзсіз зерттеуді талап етеді. Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2017 жылғы 12 желтоқсандағы №827 қаулысының міндеттеріне «сәйкес өнеркәсіптің цифрлық трансформациялану драйверінің бірі болып табылатын Индустрия 4.0 қосымша құндылық физикалық объектілердің, процестердің, цифрлық технологиялардың бірігуінің есебінен қамтамасыз етілетін өндірісті ұйымдастыру тұжырымдамасы болып табылады, бұл ретте нақты уақыт режимінде физикалық процестердің мониторингі жүзеге асырылады, орталықсыздандырылған шешімдер қабылданады, сондай-ақ машиналардың өзара және адамдармен іс-қимылы жүреді». Ұлттық білім – бұл барлық деңгейлерде енгізілуі тиіс жастарды цифрлық коммуникациямен бізмезетте қамтамасыз ете отырып жоғары білім мен ғылымды интернационалдандыру процесінде жаһандық академиялық әлеммен барабар қарым-қатынас жасаудың бір саласы болып табылады. Мақала Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігінің гранттық қаржыландыруы бойынша «Қазақстан Республикасындағы халықаралық білім беру жобаларын жүзеге асырудың тарихы, мәселелері және келешегін көп қырлы зерттеу» ғылыми жобасының шеңберінде жазылды.

Кілт сөздер: Қазақстан Республикасының жоғары білім және ғылымды интернационалдандыру, ұлттық білім үлгісі, Джон Дьюи, халықаралық білім беру жобасы, Қазақстан Республикасындағы цифрландыру, академиялық коммуникация, коммуникациялық үлгі.

Таранто Паскаль

Ph.D., Университ Экс-Марсель, директор Центра Жиль Гастон Гранже, CNRS, UMR 7304, Франция, pascal.taranto@univ-amu.fr

ОТ ПЕРЕДАЧИ ЗНАНИЙ К ЦИФРОВОМУ ПЕРЕХОДУ: ВЫЗОВ УНИВЕРСИТЕТАМ

Аннотация

В статье раскрываются некоторые задачи, стоящие перед системой национального образования Республики Казахстан в области цифровизации академической коммуникации. Исследование данной проблематики неизбежно в эпоху всеобщей глобальной цифровой коммуникации в академическом мире. Согласно задачам госпрограммы «Цифровой Казахстан» утвержденной постановлением Правительства РК №827 от 12.12.2017: «Индустрия 4.0, один из драйверов цифровой трансформации промышленности, представляет собой концепцию организации производства, где дополнительная ценность обеспечивается за счет интеграции физических объектов, процессов и цифровых технологий, при которой в режиме реального времени осуществляется мониторинг физических процессов, принимаются децентрализованные решения, а также происходит взаимодействие машин между собой и людьми». Национальное образование является одной из тех отраслей, где навыки цифровой коммуникации должны внедряться на всех уровнях, обеспечивая одновременно задачи воспитания молодежи, а также адекватную коммуникацию с глобальным академическим миром в процессе интернационализации высшего образования и науки. Статья написана в рамках реализации исследовательского проекта «Многоаспектное исследование истории, проблем и перспектив внедрения международных образовательных проектов в Республике Казахстан» по грантовому финансированию Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Ключевые слова: Модель национального образования, интернационализация высшего образования и науки в Республике Казахстан, демократия, образование, Джон Дьюи, международные образовательные проекты, цифровизация в Республике Казахстан.

European universities were born in the eleventh century, the first being Bologna in Italy (1088) and then Paris (1150). The motto of the university of Bologna (the “process of Bologna” was named after this) gives the former

program these two institutions and their followers have had throughout centuries: *Alma Mater Studiorum*. This latin sentence means: “The mother that nourishes with knowledge”.

Since then, the program of the universities has always been to elaborate this “food for soul” that knowledge is and then to transmit it to students. The conditions of this transmission are academic freedom, institutional freedom (the right to deliver degrees and diplomas), and political freedom (the right to behave as an *universitas*, that is a community of researchers, teachers and students, producing new scientific knowledge according to their own rules and habits). This knowledge was then dispatched in all Europe with a set of travelling professors, thus acting as the first European net which was already a web of science, despite the slowness of the process, (traveling by feet and horses being slower than digital signals of course).

Nowadays, though the universities yet seem to partake this old ideal of a community elaborating and transmitting knowledge (every institution in higher education wants to be labelled “university”), the landscape of higher education has dramatically changed.

First for historical reasons:

The weight of knowledge in society has evolved from scholastic and religious knowledge, which is conservative (because it orders societies), to the increasing power of technoscience that shapes and transforms societies, bringing radical mutations, and so become a progressive or even revolutionary force.

Since the scientific revolutions of the 17th and the industrial one that immediately followed, science has become through universities and state-controlled institution, the main transformative force of societies and environment.

That is why higher education and public research are nowadays a very competitive environment, which tends worldwide to become homogeneous in practices and methods of management, an environment which must produce results proportional to the amount of money the governments inject in the circuitry.

Despite the scientific research and technological development (R&D) are for the most part the fact of private corporations looking for business opportunities, the states and government cannot disengage from planning research and must fund and control research more or less heavily. Knowledge is not a product like others. It is power: *Scientia postestasest*, said Bacon in the 17th century (Bacon’s works led to the creation of the Royal Society for the advancement of learning, the first state controlled and funded

institution of science that played a major role in Great-Britain economic and military domination over the 18th Century). Thus the state, as a political entity, has his word to say in science at least for two reasons:

for fundamental political reasons of country autonomy (ie not being overcome by foreign powers), like, for instance, the mastering of new sources of energy, which is the crucial political challenge of the next century, and education, because the level of pluri-disciplinary education of the people to master and accept the technological evolutions is the key to the future development of a society and of its economic progress.

The role of private universities is generally to sell a passport for business through the acquisition of competences. The role of public ones is to foster the intellectual development of the nation and bring progress in fundamental research. Many of the future jobs are not yet invented and many of the traditional jobs are going to disappear (because of IA for instance). New markets, new social needs, and above all new possibilities because of new tools means new jobs.

This brings us to the second point. The reason why the landscape of higher education dramatically changed is that new tools of transmission and elaboration of knowledge have appeared with the digital revolution, which is not only linked with the internet and its resources, but also

- with the increasing power and wide availability of the hardware,
- the increasing capacity of digital and dematerialized storage of data (notably in the cloud),
- the new models of artificial intelligence for managing Big Data (like the deep-learning), and so on.

This is more akin to a transition rather than a revolution, because all these innovations are widely accepted and awaited for in our societies. Nevertheless, despite many of our activities are widely digitalized, this transition seems to be not only slower in universities, but it seems too to be paradoxically inconsistent with the former ideals of the Universitas.

Digital tools are employed everywhere, but the promises of a real transformation of the universities are not yet kept. Digital libraries are just libraries, even if easier to use, digital humanities are a collection of corpses, and more generally computers have not freed researchers and students but have enslaved them to quality processes and constant feedbacks, applications forms, imperatives emails, and to a bureaucracy that deprives them of their drive to research.

The major challenge of the years to come will be to produce tools to give back time for research and improve the conditions of producing

collaborative knowledge. From a political and even philosophical point of view, the digital transition will be accomplished when digital science will produce more freedom in everything relating to knowledge. European governments are conscious of this challenge. They recently joined in a coalition for “plan S”, which means widening the concept of Open Science. This is the new frontier.

Open science rests upon:

- technological conditions: dematerialization, open edition platforms, open source tools...
- ethical: collaborative work that prevent the malicious consequences of a liberal-driven university (plagiarism, “publish or perish”, artificial rankings...),
- political conditions (European-level plans or even worldwide plans to counter the power and influence of the GAFAM),
- economic conditions (the struggle against the dominance of editors like Elsevier, Springer; allocate funding according to the needs of society...), a sustainable definition of “knowledge economy”.

The ultimate goal being to free the energies of public research and to reintegrate the idea of a community that begins when teaching the humblest of the students. There is a lack of new tools and processes, and my unit, the Centre Granger in France, is currently developing such tools with many partners. We hope to change things and help the digital transition to build a better and improved society through science and learning with the digital technology not being our master, but our instrument.

Медеуова К.А.

*философия ғылымдарының докторы, профессор,
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті*

ЭПИСТЕМОЛОГИЯЛЫҚ АЛШАҚТЫҚ ЖӘНЕ КЕЗДЕЙСОҚ АНТРОПОЛОГИЯ

Аңдатпа

Мақалада соңғы екі онжылдықта Қазақстанда дамыған философиялық және әлеуметтік антропология ретінде эпистемологиялық алшақтық түсінігі және оның канализациясының қолданылуы қарастырылады. Елорданы Алматыдан Астанаға көшіруге байланысты учаскелер эмпирикалық материал ретінде пайдаланылатын болады.

Эпистемологиялық алшақтық ұғымы екі мағынада қолданылады: теориялық және практикалық. Теориялық талдау тұжырымдамасы ретінде ол дәлелдеу теорияларындағы алшақтықты сипаттайды және академиялық мұраны жеңу, толтыру, ауыстыру, қайта қарастыру тәжірибелерімен байланысты. Практикалық тұрғыдан алғанда эпистемологиялық алшақтықты жергілікті тәжірибелер мен ғаламдық процестерді зерттеудегі көзқарастардың әртүрлілігін көруге (тұжырымдамалауға) қолдануға болады. Бұл «алшақтықтың» оптикасы нәтижелі болуы мүмкін және іс жүзінде капиталды көшіру.

Медеуова К.А.

*доктор философ.наук, профессор,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева*

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ И РАНДОМНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Аннотация

В статье будет рассмотрено понятие эпистемологического разрыва и применимость его канализутого, как развивалась философская и социальная антропология в Казахстане в течение последних двух десятилетий. В качестве эмпирического материала будут использованы сюжеты, касающиеся переноса столицы из Алматы в Астану.

Понятие эпистемологического разрыва будет использовано в двух значениях: теоретическом и практическом. В качестве понятия теоретического анализа оно описывает разрыв в теориях аргументации и связано с практиками преодоления, вытеснения, замещения, переосмысления академического наследия. В практическом плане эпистемологический разрыв может использоваться для того, чтобы увидеть (концептуализировать) разнообразие подходов в исследованиях как местных практик, так и глобальных процессов, наблюдаемых из локальной оптики. Эта оптика «разрыва» может быть продуктивной и показывающей, что в реальности перенос столицы – это не только физический процесс передислокации институтов и инструментов власти, но и более долговременный процесс разрывания интеллектуальных связей между метрополией и провинцией советского периода, и еще более длительный процесс формирования новой философской повестки для государства, выбравшего путь политической независимости.

Medeuova K., Ph.D.

professor, Gumileva Eurasian National University

EPISTEMOLOGICAL BREAKING AND RANDOM ANANTHROPOLOGY

Abstract

The article will examine the concept of the epistemological gap and the applicability of it in the analyze of the development of philosophical and social anthropology in Kazakhstan over the past two decades. As empirical material, the subjects concerning the transfer of the capital from Almaty to Astana will be used.

The concept of the epistemological gap will be used in two meanings: theoretical and practical. As a concept of theoretical analysis, it describes the gap in reasoning theories and is associated with the practices of overcoming, ousting, substitution, rethinking academic heritage. In practical terms, the epistemological gap can be used to see (conceptualize) the diversity of approaches in research of both local practices and global processes observed from local optics. This optics of the "gap" can be productive and show that in reality the transfer of the capital is not only a physical process of redeployment of institutions and tools of power, but also a longer-term process of tearing the intellectual ties between metropolis and the province of

the Soviet period, and an even longer process of forming a new philosophical agenda for the state, which chose the path of political independence.

Введение

В статье будет рассмотрено понятие эпистемологического разрыва и применимость его к анализу того, как развивалась философская и социальная антропология в Казахстане в течение последних двух десятилетий. В качестве эмпирического материала будут использованы сюжеты, касающиеся переноса столицы из Алматы в Астану.

Понятие эпистемологического разрыва будет использовано в двух значениях: теоретическом и практическом. В качестве понятия теоретического анализа оно описывает разрыв в теориях аргументации и связано с практиками преодоления, вытеснения, замещения, переосмысления академического наследия. В практическом плане эпистемологический разрыв может использоваться для того, чтобы увидеть (концептуализировать) разнообразие подходов в исследованиях как местных практик, так и глобальных процессов, наблюдаемых из локальной оптики. Эта оптика «разрыва» может быть продуктивной и показывающей, что в реальности перенос столицы – это не только физический процесс передислокации институтов и инструментов власти, но и более долговременный процесс разрывания интеллектуальных связей между метрополией и провинцией советского периода, и еще более длительный процесс формирования новой философской повестки для государства, выбравшего путь политической независимости.

Эпистемологический интерес к переносу столицы – это интерес к тому, как политический акт порождает или тянет за собой множество других актов: автошочков включения в логику модернизации, контекстуального переживания новых властных дискурсов, постколониального опровержения прошлой истории и идеологического осмысления того, как происходит конструирование и государства в целом, исследовательских позиций в частности.

Поскольку за термином антропология закрепилось два основных направления интеллектуальной рефлексии: философская антропология и социальная (или культурная, иногда социокультурная) антропология, то стоит указать, что в этой статье речь идет как раз о той антропологии, которая может сформироваться с оригинальной повесткой, находясь на стыке между философской и социальной антропологиями. Если от первой заимствуется определенный теоретический фрейм, то вторая помогает корректировать и критически осмысливать текущую повседневность. Посутиза мы сел статьи в том, как перестать

философам бояться эмпирических исследований, особенно в ситуации, когда политическая воля меняет их поле. Нельзя заниматься исследованиями культуры, не принимая во внимание подвижность теоретического инструментария.

В 90-е годы на волне постперестроечных изменений на постсоветском пространстве появилась новая философская специализация – философская антропология. Появление на самом деле также было результатом преодоления теоретико-идеологического разрыва, который сформировался в советской и западноевропейской философии. Антропологическая проблематика развивалась и в XIX, и XX веках, но на постсоветском пространстве была легитимирована в качестве самостоятельной отрасли специализации только к концу XX века.

Российский философ Михаил Уваров – один из первых разработчиков курсов по философской антропологии – дал определение новой специализации, в котором чувствовалась усталость постоянного доказывания, что эта специализация имеет право существовать. Он дал, с одной стороны, очень простое, а с другой – весьма симптоматичное определение. «Философская антропология занимается теми же философскими проблемами, которые были вам известны с точки зрения диалектики, но теперь их можно рассматривать сквозь призму человека». Это очень сильное определение того, что испытала сама советская философская система – аргументацию возврата к человеку, к его реальной повседневной жизни.

Социальная и культурная антропология также имеет свою историю становления в качестве легитимного инструмента анализа текущей современности. Поэтому в статье речь идет об антропологии, понимаемой в категориях исследования не маргинальных, но актуальных состояний современности, где возможности критического анализа преодолевают дисциплинарные рамки отдельных социальных и гуманитарных наук.

Акцент на кейсах переноса столицы позволит увидеть как Астана в качестве объекта городских исследований сформировалась в ситуации эпистемологического разрыва, поскольку не успев обрести собственных серьезных исследователей, город конвертировался в политизированные дискурсы, тем самым создав о себе рандомные коллекции текстов, в которых доля философского анализа критически мала.

Эпистемология, историческая и логическая

Эпистемология в английском означает *теорию науки*, в немецком – это *теория познания*, во французском – *философия наук*. На

постсоветском пространстве этот термин соседствует (делит совместно поле, которое ранее означалось как теория познания) с термином гносеология.

Термин эпистемология стал активно использоваться в философии науки относительно поздно – с середины XIX века. Основной мейнстимовый способ использования связан либо с логическим позитивизмом, либо с формальным (не-историческим) унифицированным пониманием природы научного знания. Хотя помимо этого есть большой блок авторов и концептов, которые работают с этим понятием в другом ракурсе, который нас больше интересует в рамках данной статьи. Например версия исторической эпистемологии, которая возникла во Франции в начале XX века, где знание рассматривается через контекст, в котором оно приобретает уникальный характер. Иными словами, используется не просто релятивистская установка об относительности любого типа знаний, но реализуется такой подход, когда различие становится объектом анализа, а не остается априорным допущением. То есть историческая эпистемология нас интересует именно тем, что в ней достаточно много рациональных попыток выстраивания логики исторического времени.

Обычно, говоря про историческую эпистемологию, ссылаются на концептуальные работы Гастона Башляра (1884-1962), Луи Альтюссера (1918-1990), Мишеля Фуко (1926-1984), но можно также обратить внимание и на концепцию голландского исследователя Франклина Анкерсимта (1945). Более популяризированный вариант Томаса Куна обычно рассматривают в иной интеллектуальной традиции, но по сути его представления о нормальном и экстраординарных этапах развития науки также может быть интерпретировано как принадлежность к исторической эпистемологии.

Достаточно часто отмечают, что особенностью исторической эпистемологии в контексте современных философских дискуссий является ее перманентная проблематизация и маргинализация, например, как у Анкерсмита проблематизируются условия формирования нарративов, использования метафор и выбора механизмов репрезентации; Фуко проблематизирует отношения власти-знания, поступательность развития мысли. Такой подход отрицает стандартный историцизм, поскольку Фуко подчёркивает, что в каждый исторический период и в каждом географическом регионе человеческая мысль характеризуется своеобразием и уникальностью, и поэтому

важно исследовать кумулятивность и скачкообразность такого исторического процесса.

Понятие разрыва в контексте, предложенном Луи Альтюссер, основано на представлении, что основной эпистемологический разрыв проходит по линии противопоставления науки и идеологии. Альтюссер использовал это понятие применительно к проблеме высвобождения философской совести от влияния идеологии. Он считал, что необходимо делать реартикуляции своей позиции как исследователя, что бы видеть реальные процессы, влияющие на состояние объектов. Кризисы и разрывы могут быть связаны с реальными биографическими этапами как тех ученых, кто работает в стилистике кеапологетике, так и тех, кто работает в стилистике критики.

Эпистемологический разрыв

Эпистемологический разрыв в философии науки (то есть преимущественно во французской) понимается как разрыв в определенных традициях аргументации (Гастон Башляр). Любой научный концепт имеет силу только тогда, когда он связан с другими концептами. Но бывают ситуации, когда невозможно использовать апробированную на иных типологиях методологию к «новым объектам» с абсолютной уверенностью, что инструмент анализа будет соразмерен новым обстоятельствам.

Случай Астаны как раз такой. Астана как любой современный крупный город не обладает городской гомогенностью, но новостолличный дискурс, актуализировавшийся в период распада советской системы и перехода к национализирующимся практикам, содержит некоторые аспекты, которые могут по разному интерпретироваться местным академическим сообществом и внешними исследователями.

В классических урбанистических теориях есть четкая взаимосвязь урбанизации и индустриализации. Но для Астаны рост численности населения не был связан с развитием промышленности, он скорее был связан с ростом оказания услуг, в том числе, государственных, бюрократических, но также и образовательных, туристических, медицинских. Приращение городской среды почти в 3 раза произошло без соответствующего роста промышленности, а значит без того, что в теориях описывается как градообразующий базис. Все это создавало определенные опасения в жизнеспособности города, в функциональной достаточности многих проектов, реализованных в логике позиционирования города на международной арене. Но Астана не

является «тотальной бабл-архитектурой, пузырьем, пустым облаком», она выполняет определённые функции приращения политического, символического и культурного капитала. Поэтому возникает вопрос: какие же механизмы обеспечивают эту городскую устойчивость, и посредством каких иных инструментов анализа, можно понять, в чем же природа (сущность) этого города.

Одну из версий разрыва представила Айгуль Забирова. По ее мнению 90-е годы, можно считать периодом «резкого перелома» в урбанистических процессах Казахстана. Этот перелом она описывает как трансформацию преимущественно «русской, русско-говорящей городской культуры советского периода под влиянием новых миграционных потоков сельского населения в новую столицу». Поэтому эксперты в 90-е годы разрыв описывали как изменение «этнического баланса» в казахстанских городах, соответственно было опасение роста рурализации, примордиальных настроений, радикализации ислама.

Определенную оптику разрыва использовали и одни из первых «внешних» исследователей Астаны: Катрин Александер, Виктор Бучли и Кэролайн Хамфи в коллективной монографии «Urban Life in Post-Soviet Asia». Исследователи провели свое поле в период с 2000 по 2003 годы. В преамбуле к книге авторы пишут, что поводом для исследования послужил не только крах социалистической системы, но и их интерес к тому, как работают стержневые точки провинциальной структуры. Таким образом, для них Астана была слабым местом – точкой разрыва советского города.

Это исследование можно считать проектом реконцептуализации постсоветской регионалистики и пробным в использовании антропологических подходов к новым, новообразующимся государствам. Свообразным эффектом от появления новой категории объектов – постсоветских городов, стало появление нового типа исследователей – антропологов.

Следует отметить, что в целом советская система воспроизводства знания была заорганизованной с сильными традициями цехового (дисциплинарного) различия, поэтому признание за «антропологами» права исследования «нашей» среды было долгим. Среди местной академической среды самые сильные подозрения были в том, что антропологи на самом деле это «шпионы» или бывшие «советологи», что в сознании советских людей было синонимом шпионства. В случае позитивного восприятия их могли называть «Шуриками» по имени

милого, но чудаковатого персонажа из советской комедии «Кавказская пленница», этнографа, записывающего на Кавказе фольклор и попадающего в комико-романтическую ситуацию.

В советской науке понятие поля, исследовательского поля было локализовано для филологов, собирающих фольклор, этнографов и этнологов, возможно для социологов, работающих с качественными методами. По определению советский философ не занимался сбором эмпирической информации, поскольку его прерогативой было «теоретическое осмысление глобального, исторического значения». Казахская школа философии, сформировавшаяся в 60-е до момента развала советской философии, позиционировала себя как школа диалектической логики (Абдильдин Ж., Касымжанов А. и др).

Ни в советском классификаторе специальностей, ни в постсоветском казахстанском нет такой специальности как антропология, есть этнография или этнология, но то, чем занимаются современные антропологи, – это междисциплинарная ревизия для культурологов, социологов, историков и иных гуманитариев.

Только в одном учебном заведении Казахстана – Назарбаев университете есть департамент антропологии и образовательные программы, связанные с антропологией региона – EurasianStudies. Исключение связано с тем, что этот университет является автономным объектом образования, не зависящим от Министерства образования и науки РК, которое продолжает выполнять контролирующие-регулирующие функции в образовании. Во всех остальных высших учебных заведениях в структуре общеобязательных дисциплин сохраняется философия для бакалавриата и история и философия науки для уровня магистратуры в качестве дисциплин, ориентирующих на мировоззренческие и методологические вопросы. То есть как наследие старой советской системы философия продолжает присутствовать в качестве методологического ориентира для всех специальностей, но парадокс заключается в том, что казахстанская философия с трудом адаптируется к новым правилам академического глобализма.

Отсюда и вопрос о том, готова ли была отечественная наука к адекватной оценке происходящего. После развала Советского Союза казахстанская философская школа была вынуждена перестраиваться сама. Помимо очевидного для 90-х годов перехода к выстраиванию примордиальных дискурсов, произошла существенная трансформация в способах финансирования науки в Казахстане.

Несмотря на развернувшийся перенос столицы, созидательную активность новых строительных площадок в Казахстане, в 90-е годы появилась всего одна заметная работа, в которой город анализируется в пропозициях к казахстанской ситуации. Это статья Бекета Нуржанова *Город и степь*. В 2000-е годы были защищены две докторские диссертации, но в обоих случаях речь шла о весьма генерализованных интерпретациях природы города. В указанные годы в отечественной гуманитаристике в ходу была достаточно неуклюжая терминология об особой казахской/казахстанской цивилизации и это несмотря на то, что в мировой практике цивилизационная терминология практически сошла на нет.

Факт того, что старая Академия наук не была востребована как «оперативный» инструмент для формирования новой столичности и государственности мне представляется симптоматичным. Старение экономических ролей, политических и интеллектуальных элит – все это в переносе столицы сыграло на разрывы, ротацию, кооптацию новых акторов. Поэтому считаю, что оптика «разрыва» может быть продуктивной и показывающей, что в реальности перенос столицы – это не только физический процесс передислокации институтов и инструментов власти, но и более долговременный процесс разрывания интеллектуальных связей между метрополией и провинцией, между старыми и новыми элитами или акторами.

Поскольку местная философская традиция в советский период существовала в формате трансфера теорий, постольку не было практики производства собственных концептов. То есть по определению казахстанские философы как главные идеологии должны были «взять» в оборот новую столицу, создать широкую интерпретационную базу для новой столицы, но этого не получилось. Почему? Потому что мало кто был готов работать со сбором эмпирического материала, мало кто понимал, в чем суть феноменологического метода.

Согласно оксфордскому словарю по философии, центральные вопросы эпистемологии включают в себя вопросы происхождения знаний и места опыта в создании и накоплении знаний. Однако не во всех философских системах так считалось. Особенно это было заметно в советской системе философского знания, где опыт заменялся понятиями деятельности или общественно-экономической практики (именно в единственном числе как суммирующей практики). Советская философия, отчасти как и советская урбанистика выстраивалась /подстраивалась под генерализованный дискурс власти. Поэтому одной из форм разрыва в способах научной аргументации можно назвать реабилитацию конструкта опыта для философских исследований. Франклин Анкерсмит считает, что есть два типа эпистемологий.

Первый включен в философскую проблематику еще Декартом и Кантом, существует сугубо для удовлетворения аналитической философией интереса к тому, как приобретаются истинные знания. В этом классическом подходе нет места опыту как полноправной философской категории. Другой тип эпистемологии, сохраняющий опыт, поскольку не противопоставляет субъект и объект, делает акценты на повседневной жизни, неформальной речи и является результатом «взаимодействия с миром, воплощенного в опыте, а не наблюдения за миром с Луны» (Анкерсмит).

Заключение

Астана как объект городских исследований сформировался в ситуации эпистемологического разрыва и, не успев обрести собственных серьезных исследователей, конвертировался в политизированные дискурсы, тем самым создав рандомные коллекции текстов.

В то время как столица может быть хорошим поводом для реконцептуализации не только городских исследований, но и казахстанской философии и гуманитаристики, поскольку Астана – это хороший повод для исследования мотивации к переменам. Здесь присутствует и физическая наличность: передислокация столицы; ротация политических элит; биографические и когнитивные разрывы в отдельных социальных группах; слом, замена старого городского ландшафта на новый; поиски архитектурных решений для выражения идентичности и узнаваемого мирового брендинга; а также наличествует и дискурс поиска онтологических оснований традиционной культуры, выборанационального пути развития.

Список использованной литературы:

1. Башляр Г. Новый рационализм. – М., 1987 – 376 с.
2. Альтюссер Л. За Маркса. – М.: Праксис. – 2006. – Т. 392.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994.
4. Анкерсмит А. Возвышенный исторический опыт. – М., 2007. – 608 с.
5. Забирова А.Т. Тенденции миграционной подвижности казахов (на примере Астаны). Социологические исследования, 2002 (9), с.93-100.
6. Alexander C. Etal. (ed.). Urbanlifeinpost-SovietAsia. – CRC Press, 2007.
7. Нуржанов Б.Г. Город и степь //Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. – 1997. – №. 3. – С. 183-198.

Ибжарова Ш.А.

филос.г.к., профессор, Алматы Менеджмент Университеті (AlmaU).

Урузбакиева З.К.

*филос.г.к., доцент, Ж.Баласағұн атындағы
Қырғыз Ұлттық Университеті (ҚҰУ)*

АЗИЯ-ТЫНЫҚ МҰХИТІ АЙМАҒЫНДАҒЫ ЖОҒАРЫ БІЛІМ БЕРУ ТРЕНДТЕРІ

Аңдатпа

Бұл мақалада Азия-Тынық мұхиты аймағындағы елдердің білім жүйесінің қалыптасу үрдісі талқыланды. Азия-Тынық мұхиты аймағындағы білімландшафтының өзгеру аспектілері; мәдени құндылықтар негіздері арқылы Шығыспен Батыстың білім беру үлгілері ұсынылған.

Түйінді сөздер: білім беру моделі, жаһандық білім үрдістері, Азиядағы жоғары білім беру үрдістері, білім беруді аймақтандыру, жаппай білім беру.

Ибжарова Ш.А.

к.филос.н., профессор, Алматы Менеджмент Университет (AlmaU)

Урузбакиева Зухра Капиевна, к.филос.н., доцент,

Кыргызский Национальный Университет им. Ж.Баласыгына (КНУ)

ТРЕНДЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация

В данной статье акцентируется внимание на трендах образования стран Азиатско-Тихоокеанского региона; показаны аспекты изменения ландшафтов образования в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона; через призму культурных оснований представлены модели образования Востока и Запада.

Ключевые слова: модель образования, глобальные тренды образования, тренды высшего образования Азии, регионализация образования, массовизация образования.

Ibzharova Sh.

Ph.D., professor, Almaty Management University (AlmaU)

Uruzbakieva Z.

*Ph.D., professor, Kyrgyz National University named after Zh. Balasagyn
(KNU)*

TRENDS IN HIGHER EDUCATION OF ASIA-PACIFIC REGION COUNTRIES

Abstract

This article focuses on the trends in the formation of countries in the Asia-Pacific region; aspects of changing the landscape of education towards the Asia-Pacific region are shown; through the prism of cultural foundations, models of education of the East and the West are presented.

Key words: education model, global education trends, trends in higher education in Asia, regionalization of education, mass education.

Введение

Изменение мирового ландшафта образования

Географическое пространство глобальной интеллектуальной динамики человеческой цивилизации в начале третьего тысячелетия претерпевает изменения и смещается в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Что явилось причиной и каковы последствия такого «тектонического» излома в буквальном смысле, поскольку В.И. Вернадский считал научную мысль геологической силой в биосфере [4, с.271], переходящей в ноосферную стадию развития, пик которой приходится на третье тысячелетие. Это неминуемо ведет к трансформации глобального образования как транслятора результатов чистой науки в массовое общество.

Содержание концепта «образование» включает культурные, исторические, политические, экономические, социальные и гуманитарные аспекты. Доминирование политического и экономического аспектов проблемы образования концептуально связано с теорией глобализации, выстраивающей архитектуру современного мира. Этический аспект глобализационной теории противоречит гуманитарному аспекту образования, подразумевающему равенство, справедливость и доступность в индивидуально-субъектном и коллективно-объектном смысле.

Современный американский социолог Рэндалл Коллинз в своем компендиуме «Социология философии: глобальная теория интеллектуального изменения» [7, с.1281] представил эволюцию человеческой цивилизации через призму развития интеллектуальной динамики трех троп: азиатской, западной и исламской. Западная и исламская цивилизации в силу географической близости, а также исторических, культурных, религиозных и мировоззренческих связей, долгое время доминировали в цивилизационном развитии (пики такого доминирования-мусульманский ренессанс и современный капитализм); азиатское пространство в силу закрытости от внешнего мира и господства традиционализма, тяготело к различию и отстраненности.

Китайский ландшафт интеллектуальной силы можно резюмировать эпитетом: инновации через противостояние; поскольку формировался за счет соперничества и оппозиции конфуцианства, даосизма и буддизма. Японское же пространство интеллектуальной силы долгое время наполнялось гармоничным синтезом буддизма, конфуцианства и синтоизма; что парадоксально, не давало интеллектуального взрыва; инновации появились уже в эпоху консерватизма. В случае же с индийским пространством, внешняя и внутренняя политика определяла динамику интеллектуального мира: то есть, слабое государственное устройство и борьба религиозных течений (индуизма, брахманизма, джайнизма и буддизма) определили внешне кажущиеся статичными повороты.

Индия и Китай создали «автохтонные» культуры и философские традиции, равные европейской (с ее американскими и иными проекциями) философской традиции. Индийская культура проецировалась в страны Юго-Восточной Азии (ЮВА), Тибет и Монголию, а китайская – в страны Восточной Азии (Корея, Япония) и Вьетнам. Мусульманская культура представляет собой вариант духовной и интеллектуальной традиции средневекового Средиземноморья [12, с.480], оказала влияние на малайскую и индонезийскую культуры.

Современный британский ученый и экономист Ангус Меддисон [36, р.1-37] предлагает пять этапов развития мировой экономики на протяжении двух тысячелетий: 1-й этап – с начала новой эры до 1820 г., страны Западной Европы и США превосходят Китай; 2-й этап – 1820-1913 гг., бурное развитие экономик всех стран; 3-й этап – 1913-1950 гг., удар двух мировых войн, великая депрессия и противостояние двух систем, «серебряный век»; 4-й этап – 1950-1991 гг., быстрые темпы развития экономики, «золотой век»; 5-й этап – с 1991 г. по настоящее

время – трансформация социализма в капитализм, «платиновый век», рост темпов развития АТР.

Медиссон прогнозирует очень большое изменение в распределении экономической активности по всему миру к 2030 году. Примечательной особенностью прогнозов является то, что к 2030 году Китай станет крупнейшей экономикой мира - почти на одну треть больше, чем в Соединенных Штатах - несмотря на сокращение среднего роста в два раза меньше, чем в последние годы. Индия решительно займет четвертое место в мире, крупнейшая экономика - две трети от размера Западной Европы и в три раза больше, чем в Японии, несмотря на то, что рост упал до среднего уровня Серебряного века. Китайские и индийские акции мировой экономики будут расти следующие несколько десятилетий, и приблизятся к одной трети к 2030 году. Это еще в будущем. Однако, существует значительное частичное восстановление снижения относительно китайской и индийской экономики; через один или полвека ускорится экономический рост в Европе. Четыре крупнейшие экономики - Китай, США, Западная Европа, Индия во главе с Японией будут стоять впереди в следующий период [20].

Как данные прогнозы отражаются на состоянии высшего образования в АТР? Какие тренды и тенденции присущи современному высшему образованию стран АТР? Каковы проблемы в области высшего образования в Юго-Восточной Азии в настоящее время? Как они соотносятся с глобальными событиями в области высшего образования? Какие уроки можно почерпнуть из исследования высшего образования на региональном уровне в Азии, Юго-Восточной Азии, Тихоокеанском регионе, особенно в том, что региональные органы, такие как АСЕАН, АТЭС, АСЕАН (РФА), ШОС, ОЭСР, ЕврАзЭС и др. стремятся решать вопросы высшего образования?

Основная часть

Географические данные и экономические показатели региона

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) – политический и экономический термин, обозначающий страны, расположенные по периметру Тихого океана и многочисленные островные государства в самом океане.

АТР объединяет 58 стран; в настоящее время сторонами Соглашения является 21 государство: Австралия, Бангладеш, Камбоджа, Китай, Фиджи, Индия, Индонезия, Япония, Республика Корея, Малайзия, Монголия, Мьянма, Непал, Новая Зеландия, Пакистан, Палау, Филиппины, Сингапур, Шри-Ланка, Таиланд и Вьетнам.

Юго-Восточная Азия (ЮВА) – макрорегион, охватывающий континентальные и островные территории между Китаем, Индией и Австралией. Включает полуостров Индокитай и Малайский архипелаг; часть Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN) (англ. Association of South East Asian Nations) – политическая, экономическая и культурная региональная межправительственная организация 10 стран (Бруней Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины), расположенных в Юго-Восточной Азии. Регион АСЕАН твердо привержен идее развития образования на всех уровнях и дальнейшей социальной и экономической интеграции.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) (англ. Asia-Pacific Economic Cooperation, АРЕС) – форум 21 экономики Азиатско-Тихоокеанского региона для сотрудничества в области региональной торговли и облегчения либерализации капиталовложений. Целью АТЭС является повышение экономического роста, процветания в регионе и укрепление Азиатско-Тихоокеанского сообщества. В экономиках-участницах проживает около 40% мирового населения, на них приходится приблизительно 54% ВВП и 44 % мировой торговли.

Эксперты Фонда HEAD Сингапур [33] в своих исследованиях делают акцент на неравномерность и разнородность этого региона:

- по численности населения: три из четырех самых густонаселенных стран мира - Китай, Индия и Индонезия и маленькие, новые государства;

- демографический дисбаланс: сокращение или же рост молодого населения, заинтересованных в получении высшего образования, что способствует возникновению разных проблем для системы высшего образования этих стран;

- экономический дисбаланс: наряду с Японией, Южной Кореей в ОЭСР присоединились Сингапур, Тайвань, Гонконг, Малайзия и Таиланд как страны с развитой экономикой, также несколько государств, классифицируемые как развивающиеся (несмотря на их быстрый рост);

- этнический и лингвистический дисбаланс: наряду с однородными как Япония, Южная Корея и Вьетнам, есть государства, имеющие сложности в сочетании этнических групп и языков, такие как Индонезия, Китай и Филиппины;

на ситуацию в регионе оказывает влияние историческое прошлое колониального наследия: британского, французского, испанского, американского, голландского;

- политико-экономический дисбаланс между государственным управлением и свободным рыночным капитализмом: централизованный рыночный социализм Китая с регулируемым капитализмом Сингапура, и изменчивая экономика Индии и Индонезии.

Азиатский прогноз развития остается стабильным:

региональный валовой внутренний продукт (ВВП) вырастет на 6,0% в 2018 году и на 5,9% в 2019 году;

более низкая инфляция прогнозируется для развивающихся стран Азии на уровне 2,8% в 2018 году и 2,7% на 2019 год (Отчет АБР);

Китайская Народная Республика прогнозирует, что предыдущие прогнозы роста составят 6,6% в 2018 году и 6,4% в 2019 году (Отчет АБР);

Южная Азия по-прежнему является самым быстрорастущим субрегионом, возглавляемым Индией: рост в 2018 году составит 7,0%, а в 2019 году - 7,2%; Индия планирует достичь прогнозов в апреле на 7,3% в 2018 году и 7,6% в 2019 году (Доклад АБР)

Юго-Восточная Азия по-прежнему поддерживается устойчивым внутренним спросом, особенно для частного потребления и инвестиций. В этом году и далее прогнозируется рост на 5,2%[31].

Группы стран	Характеристики		
	Экономика	Религия	Доступность высшего образования
Камбоджа, Лаос, Монголия, Вьетнам, Мьянма	Низкий и ниже среднего уровень доходов, система высшего образования ориентирована на расширение и увеличение количества учащихся, развитие инфраструктуры	Буддизм (махаяна) Конфуцианство Даосизм	Мьянма – 10% Камбоджа и Лаос - <20% Монголия – 68 % (2015 г.)
Индонезия, Малайзия, Филиппины, Шри-Ланка, Таиланд	Средний уровень доходов, устоявшаяся и растущая система высшего образования; уделяют внимание улучшению качества	Ислам Христианство Буддизм Индуизм	Индонезия - 32% Малайзия - 37%

Индия, КНР	Крупнейшие системы высшего образования в мире и самые быстрорастущие системы в Восточной Азии; высокий уровень политики и практики в области образования, пристально следят и влияют через другие системы на высшее образование в регионе	Ислам Индуизм Буддизм Конфуцианство	
Гонконг, Сингапур, Бруней	Небольшие страны с высоким уровнем доходов со зрелыми и признанными системами высшего образования, характеризуется медленным или застойным темпом развития	Конфуцианство Буддизм Даосизм Ислам др. конфессии	Сингапур - 87%
Япония, Южная Корея	Зрелые системы высшего образования высокого качества, но испытывают спад поступления студентов	Буддизм Синтоизм Христианство Конфуцианство Шаманизм	

Культурные основания и модели образования: Восток и Запад

Традиционное противопоставление западного и восточного типов мышления основано на мировоззренческих и аксиологических различиях типов культур, которое выражено в известных дихотомиях: коллективизм и индивидуализм; осознанность и мастерство, скромность и самоуверенность; модернизм и традиционализм и т.д., что порой отражают известное предположение и предубеждение о превосходстве западного мышления и поведения.

Современные интеграционные процессы в образовательных системах глобального мира демонстрируют интересные синтезные результаты: концептуальное различие между западной моделью разума и восточноазиатской моделью добродетели [34, p.385].

Восточноазиатский ученик «трансформирует себя» на основе конфуцианских принципов, делает упор на свой внутренний мир с целью совершенствования себя, обретения своей подлинности и целостности, чтобы стать морально и социально совершенным (модель

добродетели). Цель образования – способствовать синтезу общества с коллективом и межличностной ориентации культуры. Крайние последствия данной модели – повторение и зубрежка, акцент на запоминании, ориентированность на авторитет учителя.

Цель западного ученика «научиться управлять Вселенной» согласно принципам сократовской философии: культивировать себя, ум, чтобы понять и освоить мир, подчеркивание внешнего мира, критическое мышление, знание мира вещей во Вселенной, представленных наукой (модель разума). Цель такого образования – научить «делать», поэтому западный ученик должен достичь личных целей, связанных с индивидуальностью и самоактуализацией ориентации. Крайние последствия данной модели – «хозяин мира», завоеватель, успешность и хищнические цели.

Для обеспечения перспективы развития образования не только в азиатском регионе, но и в глобальном мире, стоит акцентировать внимание не на контрасте, а на балансе инь-ян.

Примером современных моделей образования, которые способствуют безболезненному реформированию молодых азиатских образовательных систем, являются японская и сингапурская модели образования, представленные в ходе семинара «Модели образования в Японии и Сингапуре, передача образования и сравнительная политика образования» [23], состоявшегося 26 августа 2016 года. Мероприятие было организовано Фондом HEAD (THF) и совместно с Центром за выдающиеся достижения в области школьного образования Высшей школы образования Токийского университета.

Две концепции японской модели образования, получившие международный статус: «Токкацу» и «Изучение уроков». Японская модель формируется из концепции «целостного образования» (когнитивного, социального, эмоционального и физического развития студентов на основе демократических принципов). Цель «Токкацу» – развитие эмоционального интеллекта благодаря принципам поощрения деятельности ребенка, самомотивации, совместного обучения и самообразования. Вторая концепция «Изучение уроков» больше ориентирована на преподавателей, поскольку в ней уделяется внимание обучению и сотрудничеству их в процессе обмена опытом по проведению уроков. Обе модели применимы для поликультурного мира развивающихся стран Азии.

Опыт управления и легитимности системы образования в Сингапуре, например, успешная двуязычная политика, которая

выстраивалась десятилетиями, также способствует решению проблем образовательной политики в развивающихся азиатских странах.

На примере Национального университета Сингапура и Технологического университета Наньяна, вошедших в рейтинг ТНЕ 2018, профессор Шерян Джордж поднимает проблему миссии университета как средоточия культуры, науки и образования и его роли в развитии и созидании общества. Формальные критерии и стандарты рейтингов не коррелируются с местными проблемами, решение которых возможно на междисциплинарном уровне, в контексте гуманитарных наук (например, статьи, посвященные истории Сингапура, не вызывают интерес исследователей в западных индексируемых журналах). Гуманитарная и цивилизационная составляющие университета, как площадки для критического обсуждения и решения локальных проблем, нивелируются правительством в угоду рейтингам, обеспечению дипломами (массовизация) и выполнению заказов промышленности. Формализация идеи университета в угоду достижения мировых рейтингов азиатскими университетами лишает связи их с обществом, частью которого они являются [32].

Общественная потребность в доступном образовании; увеличение количества и расширение ареала университетов; экономические запросы общества в квалифицированных кадрах; снижение качества образования; гонка за мировыми рейтингами и т.д. – привели к диверсификации вузов на всех образовательных ландшафтах глобального мира. В западном мире это привело к усложнению состояния главного сегмента в системном комплексе общества, что привело к принятию союзом ректоров Гамбургской декларации «Организация высшего образования в XXI веке. Роль исследовательских университетов» [6], основные положения которой также актуальны для развивающейся системы азиатского высшего образования:

- «Будучи передовым академическим институтом, исследовательский университет играет центральную роль в мировой экономике знаний. Он готовит лидеров, ученых и специалистов, которые работают на благо общества, академического мира, промышленности и экономики в целом. Он занимается исследованиями и является окном в мировую науку.

- Исследовательские университеты являются залогом успешности системы высшего образования и работают на пользу всего общества.

- Отсутствие барьеров. Должны быть четкие механизмы, обеспечивающие равный доступ к высшему образованию и позволяю-

щие студентам легко переходить из одного типа вуза в другой без потери академического качества.

- Исследовательские университеты существуют в условиях усложнения и увеличения разнообразия академической экосистемы, которая включает большое число вузов, обслуживающих потребности разных групп населения. Чтобы эффективнее работать в современном обществе, исследовательские университеты должны продолжать выполнять свою фундаментальную роль в образовании, науке, способствовать личностному развитию, служить обществу и одновременно с этим конструктивно взаимодействовать с другими вузами, например, взяв на себя моральное лидерство.

- Внутренняя связность. Частные вузы – самый быстрорастущий в мире сегмент высшего образования – должны при наличии эффективной системы легко и полноценно интегрироваться в нее» [2, с.10-11].

Экономические запросы и доступность образования, масштабные политические программы правительств ускорили смещение глобального баланса сил в высшем образовании в сторону Азии, она стала третьей в мире большой зоной высшего образования, науки и инноваций после Северной Америки, Западной Европы (Великобритании).

Азиатско-Тихоокеанские университеты из 38 стран Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и Океании представлены в рейтинге TimesHigherEducation [30] 2018 года. Общий рейтинг включает более 250 университетов из 13 разных стран: наиболее представительные - Япония (89), Китай (63), Австралия (35), Тайвань (31), Южная Корея (27) и Таиланд (10). Университет Мельбурна единственный университет вне Азии, который входит в пятерку лидеров, заняв третье место (в прошлом году 4-е место). Другие университеты, включенные в первую пятерку: Национальный университет Сингапура (1-е место), Университет Цинхуа (2-е место), Пекинский университет (3-е место) и Университет Гонконга (5-е место).

С 5 по 7 февраля 2018 года в Шэньчжене (Китай) проходил Саммит азиатских университетов, организованный совместно с SUSTech (Южный университет науки и техники) и TimesHigherEducation Rankings (THE) [27], где поднимались вопросы сотрудничества, интеграции и поиска новых путей развития университетов Запада и Азии. Китай нашел свой путь создания модели университета мирового уровня вместо копирования западных моделей, утверждает Президент Шанхайского университета Джао Тонг Чжан Цзе. Три ключевых шага

необходимы для изменений рядовых университетов: стимулирование проведения исследований; создание новых исследовательских групп; и реформирование структуры вуза с целью создания устойчивой культуры инноваций. Они включали меры по изменению университетской культуры; денежное стимулирование преподавателей за публикацию статей; последовательный переход к прикладным, проблемно-ориентированным исследованиям; привлечение международно-признанных исследователей.

Создан Альянс азиатских университетов (AUA) (15 университетов из 14-ти стран) по инициативе Университета Цинхуа (Пекин) с целью усиления роли высшего образования в развитии азиатского общества; усиления академической мобильности внутри азиатского региона и противостояния отъезда профессоров и студентов на запад; укрепления научно-исследовательского сотрудничества между профессорско-преподавательским составом; обмена политикой в области высшего образования между президентами университетов в рамках AUA; публикации ежегодного доклада о высшем образовании в Азии; Университет Цинхуа профинансировал новую организацию с помощью одноразового вклада в размере 1,5 миллиона долларов США [28].

Наряду с высококачественными университетами (например, Национальный университет Сингапура, который сильнее Университетов Австралии), есть средние университеты технической направленности, также университеты, стремящиеся попасть в Лигу ведущих университетов мира. К сожалению, еще не сложилось понимание исследовательского и ведущего университета Азии; большинство из них на основе финансирования и некоторых инновационных стратегий стараются копировать западные университеты. Проблема в противоречии восточной и западной культур и их ценностей; отсутствие культурной перспективы для традиционных способов мышления; подделка собственных идентичностей; конфликт между западными и собственными ценностями высшего образования; прагматический подход в принятии западного образца привели к достижениям естественных наук и техники и к стагнации гуманитарных и социальных наук. Университет имеет три уровня: материальный, институциональный и ценностный; превалирует материальный уровень, институциональный начинает развиваться; необходима культурная интеграция, инкорпорирование западных ценностей в восточную; преимущество в синтезе двух культур на институциональном и индивидуально-личностном уровнях.

Заключение специального исследования «Совмещающая китайскую и западную образовательную традицию: сравнительный анализ стратегий построения университетов мирового класса в континентальном Китае, Гонконге, Тайване и Сингапуре», которое проводилось при поддержке Гонконгского совета по финансированию научных исследований (грант номер 751313Н) о состоянии университетского развития в ЮВА многообещающее: «удалось добиться колоссального прогресса вопреки всем трудностям, и есть основания полагать, что она добьется еще большего благодаря совмещению ценностей западной культуры и своих традиций. Передовые университеты Восточной Азии выбрали альтернативный путь развития. Затеянный ими эксперимент показывает, что можно найти баланс между местными и западными представлениями об университете, которые принято считать взаимоисключающими. Хотя говорить об успехе этого восточноазиатского эксперимента пока рано, текущие процессы, безусловно, можно охарактеризовать как многообещающие» [15, с.37-39].

Эксперты [37, р. 3-5] высшего образования единодушны в необходимости научно-обоснованного и ценностно-ориентированного подхода для поддержания рационального устройства системы высшего образования, предполагающем: четкую дифференциацию вузов (миссия, система контроля, академическая дифференциация); автономность; стабильное финансирование; систему контроля качества; механизмы равного доступа и перехода в вузы для студентов; моральное лидерство и приверженность своей миссии исследовательских университетов; и внутреннюю связанность вузов.

Методология исследования

В данной работе проводится комплексный анализ развития высшего образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), который включает обзор национальных и государственных программ развития высшего образования стран АТР [10], отчетов и стратегий Группы Всемирного банка [5] (Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международная ассоциация развития (МАР)), Азиатского банка развития (АБР) [16], Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [19] ЮНЕСКО (UNESCO)), Британского совета [24] (British Council), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР (OECD)), ЕУ[1] и вторичный анализ результатов исследований международных исследовательских фондов [21], центров [14], проектов [8] и отдельных экспертов [3]. В этом смысле работа носит междисциплинарный

характер, где наряду с универсальными методами научного исследования применяются философские, исторические, социологические и экономические подходы.

Метод вторичного анализа очень часто применяется в социологических исследованиях для сравнения и сопоставления данных, полученных из разных источников [11]. В данном исследовании он выступает оптимальным инструментом для выявления трендов развития высшего образования в странах АТР. Подобный подход был применен исследователями в подготовке «Отчета NMC Horizon: высшее образование - 2017»; из большого массива первичных исследований на основе вторичного анализа вывели набор тенденций, проблем и достижений в результате обсуждения их комиссией из 2000 экспертов в процессе онлайн-режима; для окончательного выбора тем отчета ими был использован модифицированный дельфийский метод.

Тренды высшего образования стран АТР

Регионализация и ее фрагментарность [22], которая исправима за счет разработки эффективных путей обмена знаниями и ресурсами между различными сетями и уравнивания их позиций.

Субъекты регионализации	Цели	Положительные стороны	Отрицательные стороны	Решение
Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [25]	Сотрудничество на основе принципов политической стабильности и безопасности; содействие формированию национальных государств после успеха национально-освободительных движений	Создание единого пространства высшего образования в Восточной Азии и опыт совместной работы в этом направлении	Взаимоисключая, дублирующие межрегиональные и внутрирегиональные политические и экономические взаимосвязи: АСЕАН и SEAMEO хотя расширяют свою Сеть университетов	Региональный институт высшего образования и развития SEAMEO и Азиатский банк развития начали разрабатывать инструмент, известный как единая Система перевода и накопления академических кредитов (ACTFA), которая

			в AUN и AIMS соответственно в северо-восточном направлении, то есть в сторону Китая, Кореи и Японии	ориентирована на весь регион
Организация министров образования стран Юго-Восточной Азии (SEAMEO) [26]	Региональная межправительственная организация, созданная в 1965 году между правительствами стран Юго-Восточной Азии для содействия региональному сотрудничеству в области образования, науки и культуры в регионе	Некоммерческая Гибкая организация; уникальные программы; мощная инфраструктура; сеть контактов на региональном и международном уровне; развитие человеческих ресурсов, высокая компетенция и профессионализм сотрудников; взаимодействие с др. странами вне Азии	Взаимоисключающие, дублирующие межрегиональные и внутрирегиональные политические и экономические взаимосвязи: АСЕАН и SEAMEO хотят расширить свою Сеть университетов AUN и AIMS соответственно в северо-восточном направлении, то есть в сторону Китая, Кореи и Японии	Региональный институт высшего образования и развития SEAMEO и Азиатский банк развития начали разрабатывать инструмент, известный как единая Система перевода и накопления академических кредитов (ACTFA), которая ориентирована на весь регион
Трехсторонняя межправительственная группа Китай+Япония+	Формирование пула квалифицированных	Условия для мобильности сотрудников и студентов	Взаимоисключающие, дублирующие	CAMPUS Asia, разрабатывает собственную систему

<p>Южная Корея: трёхсторонняя программа студенческой мобильности CAMPUS Asia (Collective Action for Mobility Program of University Students in Asia)</p>	<p>азиатских экспертов через создание платформы для обмена ресурсами и знаниями; смягчение характерной для Китая и Кореи проблемы утечки мозгов</p>	<p>бакалавриата и магистратуры через перезачет кредитов и реализацию программ двойных и совместных дипломов; стимулирование международно-го спроса на местные вузы в свете сокращения населения в Корее и Японии</p>	<p>межрегиональных и внутрирегиональные политические и экономические взаимосвязи: Китай - Корея - Япония планирует пригласить в программу CAMPUS Asia другие страны, входящие в АСЕАН и/или SEAMEO</p>	<p>перезачета кредитов и собственную систему контроля качества</p>
<p>АСЕАН (AUN) Субрегиональная платформа</p>	<p>Международная система, обеспечивающая подготовку высококвалифицированных и мотивированных специалистов</p>	<p>Субрегиональные Службы контроля качества (AUN-QA) и Системы трансфера кредитов (ACTS) осуществляет обмен преподавателями, исследователями, административными сотрудниками и студентами между 30 вузами-членами</p>	<p>Борьба за распределение ресурсов</p>	<p>Региональный институт высшего образования и развития SEAMEO и Азиатский банк развития начали разрабатывать инструмент, известный как единая Система перевода и накопления академических кредитов (ACTFA), которая ориентирована на весь регион</p>

<p>SEAMEO (RIHED) Региональный институт высшего образования и развития</p>	<p>Цель создания высшего образования в Юго-Восточной Азии в пространстве (SEA-HEA)</p>	<p>Пилотный проект мобильности Малайзии, Индонезии и Таиланда (MIT); Сеть обеспечения качества ASEAN (AQAN); система перевода кредитов Юго-Восточной Азии (SEA-CTS); Кредитный перевод Система (UCTS); 23 университета, 1130 студентов (2010-2014) обучились по академической мобильности</p>	<p>Наряду с такими крупными игроками в регионе ЮВА как Китай, Япония и Южная Корея, Таиланд преследует интересы развивающегося и неоднородного ЮВА с геополитической и геоэкономической точки зрения</p>	<p>Повышение эффективности и гармонизации высшего образования в Юго-Восточной Азии посредством системных исследований, расширения прав и возможностей, сотрудничества и развития механизмов для содействия обмену информацией в области высшего образования</p>
<p>MIT (Малайзия, Индонезия, Таиланд)</p>	<p>Академическая мобильность</p>	<p>При содействии университетской мобильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе Кредитный перевод Система (UCTS), 23 университета под MIT способствовали обмену 1</p>	<p>Направлена на то, чтобы породить чувство гражданства и самобытности АСЕАН среди молодежи, и широко рассматривается как флагманская программа повышения мобильности</p>	<p>AIMS, безусловно, представляет собой ценную программу, которую следует расширить, включив в нее все государства-члены АСЕАН, в том числе Сингапур; некоторые</p>

		<p>130 студентами в течение четырехлетнего развертывания инициативы (2010-2014 годы). В настоящее время MIT продвигается вперед под более широким брэндингом, Международной Мобильной Ассоциацией АСЕАН (AIMS) и планирует расширить свою компетенцию, включив в нее еще четыре страны: Бруней-Даруссалам, Японию, Филиппины и Вьетнам</p>	<p>высшего образования в рамках инициатив АСЕАН по повышению уровня взаимодействия с людьми. Основным принципом программы AIMS является концепция сбалансированной мобильности</p>	<p>эксперты, считают что АСЕАН есть аналог ЕС и Болонской декларации в Азиатском пространстве; Следует учесть разнородные возможности стран в Юго-Восточной Азии, нежели однородные как в ЕС; ЕС испытывает определенные противоречия, которые следует учесть</p>
<p>«АСЕАН плюс 3» +Китай, Корея, Япония</p>	<p>Преодоление азиатского финансового кризиса 1997 года</p>	<p>Сотрудничество с Китаем, Кореей и Японией</p>	<p>Противоречие «АСЕАН плюс 1»; приоритизация направлений может ослабить процесс укрепления</p>	<p>Укрепление сотрудничества между различными региональным и сетями, существующими в Восточной Азии;</p>

			сотрудничества в регионе и затормозить реализацию программ регионализации пересекающимися членами, в результате чего формирование единого восточно-азиатского пространства высшего образования может оказаться под угрозой	смягчить геополитическую напряженность; разработать эффективные пути обмена знаниями и ресурсами между различными сетями с целью уравнять положительный эффект от регионализации в области высшего образования во всех странах Восточной Азии
«АСЕАН плюс 6» +Австралия, Индия, Новая Зеландия	Диалог вокруг развития взаимодействия в области высшего образования	Улучшение межкультурного взаимопонимания, трансфер знаний, развитие рынка труда, поддержание стабильности и мира в регионе	Необходимость увязать между собой культуры, языки, образовательные стандарты различных стран, а также национальные нормы и законы, в особенности в сфере визовой политики и академического	Укрепление сотрудничества между различными региональными сетями, существующими в Восточной Азии; смягчить геополитическую напряженность; разработать эффективные пути обмена знаниями и

			календаря	ресурсами между различными сетями с целью уравнивать положительный эффект от регионализации и в области высшего образования во всех странах Восточной Азии
«АСЕАН плюс 1» (то есть АСЕАН плюс Япония)	Инвестирование Японии в развитие региона	Улучшение межкультурного взаимопонимания трансфер знаний, развитие рынка труда, поддержание стабильности и мира в регионе	Противоречие «АСЕАН плюс 3»; может ослабить процесс укрепления сотрудничества в регионе и затормозить реализацию программ регионализации пересекающимися членами	Региональный институт высшего образования и развития SEAMEO и Азиатский банк развития начали разрабатывать инструмент, известный как единая Система перевода и накопления академических кредитов (ACTFA), которая ориентирована на весь регион
АСЕАН (SHARE) Среди ближайших партнеров АСЕАН по диалогу –	Цели программы заключаются в укреплении регионального сотрудничества	AEAN Qualification Reference Frameworks (AQRF) и ASEAN Quality Assuran	Противоречит цели регионализации и сотрудничество с ЕС;	Будет способствовать, поддерживать и расширять мобильность

<p>Евросоюз (ЕС). В 2017 году ЕС и АСЕАН отмечают 40-летие установления формального сотрудничества на 10-й встрече министров в 1977 году</p>	<p>а и повышении качества, конкурентоспособности и интернационализации высших учебных заведений и студентов АСЕАН Области результатов SHARE, которыми сотрудничают партнеры EU и АСЕАН</p>	<p>се (ASEAN QA); Развитие системы кредитных переводов ASEAN (ACTS) и систем кредитных переводов ASEAN-EU (AECTS); Стипендии мобильности в рамках АСЕАН и АСЕАН-ЕС.</p>	<p>региональной идентичности; вынужденность</p>	<p>внутри АСЕАН и АСЕАН-ЕС</p>
--	--	---	---	--------------------------------

На примере истории развития регионального института высшего образования SEAMEO RINED [29] можно проследить некоторые особенности регионализации в Юго-Восточной Азии:

RINED изначально был создан в Сингапуре в 1959 году как Региональный институт высшего образования. RINED был реорганизован и создан в Таиланде в 1993 году в качестве регионального центра SEAMEO. Ключевую роль инициатора и лидера принадлежит правительству Таиланда, поэтому головной офис находится в Бангкоке.

SEAMEO – региональная межправительственная организация Министров образования стран Юго-Восточной Азии, созданная в 1965 году в целях содействия сотрудничеству в области образования, науки и культуры в регионе. Секретариат и региональные центры SEAMEO проделали плодотворную работу по осуществлению программ обучения, исследования и развития.

SEAMEO RINED играет решающую роль в создании потенциала стран-членов SEAMEO в области высшего образования. В большей степени ориентирован на решение вопросов, связанных с политикой планирования, администрирования и управления в высшем образовании.

Миссия SEAMEO RINED заключается в повышении эффективности управления и гармонизации высшего образования в Юго-Восточной Азии посредством системных исследований, расширения

прав и возможностей, разработки механизмов для содействия обмену и сотрудничеству в области высшего образования.

Цели SEAMEO RINED:

Оказывать государствам-членам содействие в повышении эффективности политики, планирования, администрирования и управления системами высшего образования посредством профессиональной подготовки и исследований, ориентированных на политику, с учетом особых потребностей, насущных проблем и культурных факторов отдельных государств-членов для комплексного развития человеческих ресурсов.

Служить в качестве регионального центра и информационно-координационного центра для информации и документации высшего образования, содействуя обмену и распространению информации и результатов исследований по планированию и управлению высшим образованием как внутри, так и за пределами региона. Содействовать сотрудничеству между государствами-членами для установления институциональных связей и оказывать им помощь в укреплении институционального строительства и развития.

Актуальные Программы SEAMEO RINED включают пять взаимосвязанных областей, отражающих его основные функциональные цели, для содействия доступа к передовому опыту и синергии в высшем образовании региона:

Расширение возможностей высших учебных заведений;

Содействие социальной ответственности и устойчивому развитию университета;

Культивирование глобализационных аспектов человеческих ресурсов;

Разработка механизмов гармонизации;

Продвижение границ знаний в управлении системой высшего образования.

Понимание важности решения проблем образования в регионе затрагивает геополитические и геоэкономические причины, где важную роль играет новый актер в ЮВА – Китай. История геополитических отношений Китая и Таиланда меняется и усиливается в лучшую сторону: Таиланд был проводником в ЮВА для Китая; сейчас интересы Китая носят глобальный характер; поэтому в генезисе SEAMEO RINED расширение возможностей до статуса межправительственной организации, нацеленной на ЮВА в большей степени, демонстрирует важность региональных вопросов для других акторов ЮВА.

Эксперты [18, p.7-10] The HEADF oundation подчеркивают более высокий уровень межрегионального сотрудничества между региональными сетями в Восточной Азии в настоящее время. Цель должна быть направлена на смягчение любой геополитической напряженности, которая характерна для регионализации в Восточной Азии сегодня, и разработать эффективные способы обмена знаниями и ресурсами в региональных сетях с для выравнивания преимуществ ВОЗ в регионе. Возможно, таким образом, восточноазиатская регионализация может начать продвигаться к всеобъемлющей программе регионализации для создания единого сообщества стран Азии.

Массовизация образования, диверсификация и дифференциация сектора

Массовизация высшего образования как следствия глобализации, нехватки квалифицированных трудовых ресурсов, доступности образования для некоторого сегмента населения, привело к появлению некоторых частных вузов, обеспечивающих дипломами, но не качественным образованием; приравнивание инженерных вузов и колледжей к статусу университета, в конечном счете дискредитировало само понятие исследовательский университет в западном понимании, активное копирование которого приходится на конец XX в. и первую половину XXI в. Юго-Восточном регионе.

Академическая мобильность: исходящая и приходящая

Страны Юго-Восточной Азии входят в число двадцати пяти государств, направляющих своих студентов для обучения в университетах США: Вьетнам (8-е место), Индонезия (19-е), Таиланд (20-е) и Малайзия (24-е); к 2011 г. в США, Великобритании и Австралии обучалось 214 тыс. граждан четырех перечисленных стран и Филиппин; связан с распространением различных форм международных образовательных программ, реализуемых в странах Юго-Восточной Азии совместно с иностранными вузами (открытие филиалов западных вузов, реализация образовательных программ по франшизе и т.д.); в регионе действует 25 филиалов зарубежных вузов (Индонезия (1), Малайзия (6), Сингапур (13), Таиланд (3), Вьетнам (2).

Лидеры исходящей мобильности - Сингапур и Малайзия (20-ке стран) – стремятся стать региональными образовательными хабами, начали экспортировать образовательные услуги. По данным газеты «Гардиан», в 2014 году в Сингапуре обучалось 52 959 студентов-иностранцев из 120 государств, а в Малайзии – 63 625 студентов из 160 государств. Большинство обучающихся в них иностранных студентов

приехали из Южной Кореи, Китая и Индии, Австралии, Англии, ОАЭ, Омана, Йемена, Саудовской Аравии, Ливана.

Проблемы академической мобильности: *периферийность* (периферийность мировой науки, богатые местные опираются на своих детей в британские вузы); *утечка мозгов* (уезжают молодые ученые в Японию или на Запад; 100% выпускников вьетнамских школ и победители международных олимпиад учатся и работают в развитых странах; *языковой барьер* (развитие науки на местном языке, нет англоязычных программ за исключением сингапурских, филиппинских, тайландских) [13, с.29-30].

Академическая культура и коррумпированность

Несмотря на коллективный прогресс высшего образования стран Восточной Азии, стоит отметить на деструктивную академическую среду в регионе. Академическая культура подразумевает ценности, представления и убеждения по отношению к своей профессии, которые объединяют преподавателей и ученых. Это влияет на то, как и с кем принимают решения, как действуют и коммуницируют друг с другом – на практическом и символическом уровне. К описанию академической культуры Восточной Азии применимы: «честность», «этика», «недобросовестное поведение», «коррупция». Академическая культура, основанная на ценности меритократии, свободы и состязательности – цель и необходимость для азиатских университетов.

Недобросовестное поведение среди преподавателей и студентов встречается: в Гонконге, Тайвани, Японии (ХарукоОбоката улучили в подделке и плагиате); в Китае упадок начался в начале 90-х, отражая ситуацию в обществе (выгоднее административные должности, чем академические). Понятие «гуаньси» (блат, связи): наличие связи с высокопоставленными чиновниками; ограничение свободы передвижения преподавателей, сотрудников, студентов, ресурсов; решения из принципов личных связей; фальсификация данных и плагиат в научной среде; покупка государственных грантов; как следствие негативное влияние на модернизацию образования в регионе; нравственное и моральное разложение, задерживающие научное развитие региона; правительство Китая начиная с 2000 г. ввело новые правила и стандарты, проводило форумы и семинары, создало агентства и подразделения по борьбе с коррупцией; Япония отличается академической культурой, имеет 21 Нобелевских лауреатов; до 2014 г, в ЮВА не было ни одного нобелевского лауреата.

Проблема коррумпированности в академической среде стран ЮВА есть следствие несбалансированности местной образовательных традиций и западных ценностей; решение заключается в том, чтобы путем синергии и синтеза институциональных и индивидуальных мероприятий достичь этого баланса.

Заключение

Эксперты Центра образовательных разработок бизнес-школы СКОЛКОВО подготовили обзор нового отчета NMC Horizon о будущем высшего образования ближайшие пять лет и выделили 10 глобальных трендов высшего образования на ближайшие пять лет [24]

Внедрение прогрессивных методов обучения требует культурной трансформации.

Обучение студентов реальным практическим навыкам поможет им в дальнейшем трудоустройстве, а также позволит повысить профессиональную квалификацию.

Сотрудничество - ключевой фактор распространения эффективных решений.

Несмотря на широкое распространение технологий и материалов для онлайн-обучения, они по-прежнему доступны не для всех.

Необходимо создание процессов для оценки навыков на индивидуальном уровне.

Для того чтобы свободно чувствовать себя в цифровом мире, недостаточно просто уметь пользоваться технологиями.

Эффективность онлайн-обучения, а также мобильного и смешанного обучения не подлежит сомнению.

Образовательные экосистемы должны быть достаточно гибкими, чтобы воспринимать совершенно новые методы обучения.

Высшее образование – превосходная среда для разработки интуитивных компьютеров.

Непрерывное обучение – основа высшего образования.

Для стран АТР глобальные тренды высшего образования остаются актуальными, тем не менее, более значимы следующие: регионализация и ее фрагментарность; массовизация образования, диверсификация и дифференциация сектора; академическая мобильность: исходящая и входящая; академическая культура и коррумпированность.

Список использованной литературы:

1. ЕУ относится к глобальной организации и может относиться к одной или нескольким фирмам-членам Ernst & Young Global Limited, каждая из которых является отдельным юридическим

лицом. Ernst&YoungGlobalLimited, британская компания, ограниченная гарантией, не предоставляет услуги клиентам. Can the universities of today lead learning for tomorrow? The University of the Future. 2018 EYGM Limited. <https://www.ey.com/au/en/industries/government---public-sector/ey-university-of-the-future-2030>

2. Альтбах Филип Дж. Высшее образование, массовизация и исследовательские университеты // Международное высшее образование. Выпуск 91. 2017. – С.10-11.

3. Барбер М., Доннелли К., Ризви С. Океан инноваций. Атлантический океан. Тихий океан, мировое лидерство и будущее образования. Вопросы образования, 2012. – С.109-185. https://cyberleninka.ru/article/n/okeyanu-innovatsiy-atlanticheskiiy-okeyan-tihiiy-okeyan-mirovooe-liderstvo-i-buduschee-obrazovaniya;BarberM.,DonnelliK.,RizviS.Nakanunesxodalaviny.Vysheeobrazovanieigrydushcharevolutsiya.Voprosyobrazovaniya.2013.No3.-S.152-236.https://vo.hse.ru/data/2014/08/04/1314334660/2013-3_Barber%20et%20al.pdf; Комментарии к эссе Майкла Барбера, Кейтлин Доннелли, Саада Ризви. Вопросы образования, 2013. – С.231-257. <https://cyberleninka.ru/article/n/komentarii-k-esse-maykla-barbera-keytlin-donnelli-saada-rizvi>; Rizvi, F. 2017. Globalization and the Neoliberal Imaginary of Educational Reform. Education Research and Foresight Series, No. 20. Paris, UNESCO. <https://en.unesco.org/node/262287>;

4. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – 271 с.

5. Всемирный банк, Годовой отчет 2017 <http://headfoundation.org/research/gsebuffalo/ichefa>

6. Доклад, который лег в основу прошедшей в Гамбурге дискуссии, доступен на сайте Фонда Кербера (бесплатно): http://www.bc.edu/content/dam/files/research_sites/cihe/pdf/Korber%20bk%20PDF.pdf. Он был также опубликован в виде книги Philip G. Altbach, Liz Reisberg, and Hans de Wit, eds., Responding to Massification: Differentiation in Postsecondary Education Worldwide (Rotterdam, Netherland: Sense Publishers, 2017).

7. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, Сибирский хронограф, 2002. – 1281 с.

8. Международный сравнительный проект по вопросам финансирования и доступности высшего образования (ICHEFA) Высшей школы образования в Государственном университете Нью-Йорк в Буффало (Comparative Higher Education Finance and Accessibility Project (ICHEFA) of the Graduate School of Education at the State University of New York at Buffalo). <http://headfoundation.org/research/gsebuffalo/ichefa>

9. Национальный координационный центр по развитию экономических отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. <http://www.aprcenter.ru/about.htm>; EDUCAUSE Learning Initiative (ELI) <https://www.educause.edu/eli>; The Boston Consulting Group (BCG) – международная компания, специализирующаяся на управленческом консалтинге, ведущий консультант по вопросам стратегии бизнеса. www.bcg.ru Россия 2025: от кадров к талантам.

10. [d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/ Skills_Outline_ web_ tcm 26-175469.pdf](http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf);

11. Стратегические программы развития высшего образования государств Юго-Восточной Азии, Национальный стратегический план высшего образования в области образования на период до 2020 года (NHESP), Малазийский план образования (высшее образование) 2015-2025 (MEVHE), (Малайзия);

12. Сычева В.С. Метод вторичного анализа // Социологические исследования, 1995. №11. [ecsocman.hse.ru/data /961/889/1216/023 Sycheva.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/961/889/1216/023%20Sycheva.pdf)

13. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2005. – 480 с. www.biblio.nhat-nam.ru/Torchinov-Puti_filosofii_Vostoka_i_Zapada.pdf

14. Тхю Т. До, Дуи Н. Фам. Проблемы студенческой мобильности в Юго-Восточной Азии // международное высшее образование. Выпуск 84. 2016. – С.29-30.

15. Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США). The Center for International Higher Education (CIHE) <http://www.bc.edu/research/cihe/>; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) <http://www.hse.ru/>; Центр образовательных разработок бизнес-школы СКОЛКОВО <http://trends.skolkovo.ru/2017/10/10-trendov-budushhego-obrazovaniya/>

16. Ян Жуй. Культурная миссия передовых университетов Восточной Азии // Международное высшее образование. Выпуск 91. 2017. – С.37-39.

17. Asian Development Bank. Improving Transitions from school to university to workplace. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2012. <https://www.adb.org/publications/improving-transitions-school-university-workplace>;

18. Asian Development Bank. Strategy 2020: The Long-Term Strategic Framework of the Asian Development Bank 2008–2020. Mandaluyong City, Phil.: Asian Development Bank, 2008. <https://www.adb.org>

/documents/strategy-2020-working-asia-and-pacific-free-poverty; Asian Development Bank. Strategy 2030: Achieving a Prosperous, Inclusive, Resilient, and Sustainable Asia and the Pacific. July 2018. <https://www.adb.org/documents/strategy-2030-prosperous-inclusive-resilient-sustainable-asia-pacific>; Higher education across Asia: an overview of issues and strategies. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2011. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29407/higher-education-across-asia.pdf>; Asian Development Bank. Administration and governance of higher education in Asia: patterns and implications. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2012. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29956/administration-governance-higher-education.pdf>;

19. Choi W. Edward. Higher Education Regionalisation in East Asia // Higher Education in Southeast Asia and Beyond & June 2017. MCI (P) 123/05/2017. 7-10 pp.

20. Education Policy Research Series Discussion Document No. 5. Education Systems in ASEAN+6 Countries: A Comparative Analysis of Selected Educational Issues. Education Policy and Reform Unit UNESCO Bangkok. 2014. <http://www.unesco.org/open-access/terms-use-ccbysa-en>; Education in China. A Snapshot. OECD 2016. <https://www.oecd.org/china/Education-in-China-a-snapshot.pdf>;

21. Garnaut Ross. Making the International System Work for the Platinum Age. <http://www.ggdc.net/maddison/oriindex.htm>

22. HEAD Foundation (Human Capital & Education for Asian Development). Workshop Reports No. 1. Asian Education Futures. The HEAD Foundation 2015; THF Policy Brief No. 3 University Autonomy and Corporatisation in Southeast Asia Key considerations for policy makers and leaders. The HEAD Foundation 2017; THF Workshop Report No 5. Leadership in Education: Global Perspectives. The HEAD Foundation 2016; THF Workshop Report No 2. Asian Universities in New Times. The HEAD Foundation 2015; THF Workshop Report No 4. Teacher Development: Dimensions & Perspectives. The HEAD Foundation 2016. <http://headfoundation.org/research/gsebuffalo/ichefa>

23. <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9805>

24. <http://headfoundation.org/>;

25. <http://trends.skolkovo.ru/2017/10/10-trendov-budushhego-obrazovaniya/>

26. <http://www.aseanfoundation.org/what-we-do/education>

27. http://www.seameo.org/SEAMEOWeb2/index.php?option=com_content&view=article&id=90&Itemid=518

28. <http://www.theworldsummitseries.com/events/the-asia-universities-summit-2018/event-summary-5ae036685e484e43be71807f3d87c315.aspx>
29. <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20170504205518718>
30. <https://rihed.seameo.org/about-us/>
31. https://translate.googleusercontent.com/translate_c?depth=1&hl=ru&prev=search&rurl=translate.google.kz&sl=en&sp=nmt4&u=https://www.timeshighereducation.com/student/best-universities/best-universities-asia-pacific-region&xid=17259,15700021,15700124,15700149,15700168,15700186,15700191,15700201,15700208&usg=ALkJrhg3mgyP4gevSv_0t8uKrx_AhAljxQ
32. <https://www.adb.org/publications/ado-supplement-july-2018>
33. <https://www.timeshighereducation.com/features/singapores-powerhouses-neglect-local-intellectual-life>
34. Johnstone D. Bruce. Financing Higher Education: Worldwide Perspectives and Policy Options. THF Working Papers Series No. 6/2015 <http://headfoundation.org/research/gsebuffalo/ichefa>
35. Li Jin. Cultural foundations of learning: East and West New York, New York: Cambridge University Press, 2012. 385 pp.
36. Maddison, A. (2006), Asia in the world economy 1500-2030 AD, Asian Pacific Economic Literature, vol.20, no.2, pp.1-37. <http://www.ggdc.net/maddison/oriindex.htm>; Garnaut Ross, Making the International System Work for the Platinum Age. <http://www.ggdc.net/maddison/oriindex.htm>
37. New Media Consortium (NMC Horizon) <https://www.nmc.org/nmc-horizon/>; Отчет NMC Horizon: высшее образование – 2017 <https://www.nmc.org/publication/nmc-horizon-report-2017-higher-education-edition-russian/>;
38. Rui Yang. Getting the Mix Right: The Cultural Mission of East Asia's Elite Universities // Higher Education in Southeast Asia and Beyond & June 2017. MCI (P) 123/05/2017. 3-5 pp.
39. The shape of global higher education: understanding the ASEAN Region. Volume 3. British Council 2018. <https://www.britishcouncil.org/research/shape-global-higher-education-3>; The shape of global higher education: International mobility of students research and education provision. Volume 2. British Council 2017. <https://www.britishcouncil.org/education/ihe/knowledge-centre/global-landscape/shape-global-higher-education-vol-2>;

Музыкина Е.В.

ҚАЗАҚСТАН ЭТОНИКАДА ЭТИКАНЫ ОҚЫТУ ҮШІН ҚАНДАЙ БОЛАШАҚТЫ ТАҢДАЙДЫ?

Аңдатпа

Әлемдік экономикадағы қазіргі тенденциялар экономикалық күш орталығы біртіндеп батыстан шығысқа ауысып келе жатқандығын көрсетеді. Соңғы онжылдықтар ішінде бірнеше дағдарысты бастан өткерген әдеттегі бизнес жүйесі күткен нәтижеге сай келмейді. Жағдайды ескере отырып, ерекше тексеруді қажет ететін проблеманы байқауға болады – қазіргі экономикада этикалық принциптердің болмауы. Құжатта бұл опция бизнес білімінде қалай көрінетіні және қандай шешім табуға болатындығы туралы бірнеше идеялар берілген. Автор ең алдымен корпоративті әлеуметтік жауапкершілік (КӘЖ) және ислам экономикасы мен қаржы мәселелеріне назар аударады. Екі тұжырымдама шешімдер қабылдау процесі мен әр жағдайда іс-әрекеттерді басқаратын белсенді этикалық компонентті қамтиды. Құжат әр теорияның қысқаша тарихы мен шолуын және оны бизнес-білімге қосуды ұсынады. КӘЖ-ді ислам экономикасы мен қаржысымен салыстыра отырып, автор әр жағдайда кездесетін артықшылықтар мен кемшіліктерге баса назар аударады. Қазақстандық экономика мен бизнес біліміндегі «қалаған болашақты» модельдеуге мүмкіндік беретін, сонымен қатар осы екі әлеуметтік компоненттің арасындағы тығыз байланысты көрсететін болашақ зерттеулер болашағында жасалды. Этика жеке сипаттағы және күнделікті жұмысының ажырамас бөлігі болып табылатын бизнес лидерлерінің жаңа топтамасы ғана жаңа этикалық экономиканы дамыта алады.

Түйінді сөздер. Этика, исламдық экономика және қаржы, корпоративтік әлеуметтік жауапкершілік, Қазақстан, білім.

Музыкина Е.В.

КАКОЕ БУДУЩЕЕ ВЫБЕРЕТ КАЗАХСТАН ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ЭТИКИ В ЭКОНОМИКЕ?

(статья впервые опубликована в рамках проекта «Многоаспектное исследование истории, проблем и перспектив внедрения международных образовательных проектов в РК» в Scientific Journal of the Modern Education & Research Institute №11, 2019 г. г.Брюссель, Бельгия)

Аннотация

Текущие тенденции в мировой экономике свидетельствуют о том, что центр экономической мощи постепенно смещается с Запада на Восток. Обычная бизнес-система, пережившая несколько кризисов за последние десятилетия, не оправдывает ожиданий. Учитывая ситуацию, можно заметить проблему, которая требует специальной проверки – отсутствие этических принципов в современной экономике. В документе представлены некоторые идеи о том, как эта опция находит свое отражение в бизнес-образовании и какое решение может быть найдено. Автор концентрируется в первую очередь на вопросах корпоративной социальной ответственности (КСО) и исламской экономике и финансах. Обе концепции включают активный этический компонент, который направляет процесс принятия решений и действия в каждом конкретном случае. В документе представлена краткая история и обзор каждой теории и ее включения в бизнес-образование. Сравнивая КСО с исламской экономикой и финансами, автор подчеркивает преимущества и недостатки, присутствующие в каждом конкретном случае. Вывод осуществлен в перспективе фьючерсных исследований, что позволяет моделировать «предпочтительное будущее» в казахстанской экономике и бизнес-образовании, а также указывает на тесную связь между этими двумя социальными компонентами. Только новая когорта бизнес-лидеров, для которых этика является неотъемлемой частью личного характера и повседневного функционирования, может развить новую этическую экономику.

Ключевые слова. Этика, исламская экономика и финансы, корпоративная социальная ответственность, Казахстан, образование.

Yelena V. Muzykina

Qazaq Research Institute for Futures Studies (QRIFS), Almaty

WHAT FUTURE WILL KAZAKHSTAN CHOOSE FOR TEACHING ETHICS IN ECONOMY?

Abstract

Current trends in the world economy indicate that the center of economic power has been gradually gravitating from the West to the East. The conventional business system that has gone through several crises within the last decades does not fulfill traditional expectations. Considering the situation, one can notice the problem that signals and calls for special inspection – a lack of ethical principles in the contemporary economy. The paper presents some ideas on how this setting finds its reflection in business education and what solution can be found. The author concentrates primarily on Corporate Social Responsibility (CSR) and Islamic economics and finance. Both concepts incorporate an active ethical component that guides the decision-making process and actions in each case. The paper presents a brief history and overview of each theory and its inclusion in business education. Comparing and contrasting CSR with Islamic economics and finance, the author highlights the advantages and disadvantages present in each case. The conclusion is built up around a Futures Studies perspective that allows modeling a "preferable future" in Kazakhstan economy and business education, indicating a close link between these two social components. Only a new cohort of business leaders for whom ethics is an integral part of personal character and daily functioning can develop a new ethical economy.

Keywords. Ethics, Islamic economics and finance, Corporate Social Responsibility, Kazakhstan, education.

INTRODUCTION

The Global Economic Crises – which is now being called the Great American Recession [1] – brought into a spot not the lack of strategic thinking or risk management but the lack of ethics in the financial services industry in the world's largest markets. In the era of "instant everything" – starting from coffee and airline tickets to family [2] and checkmate [3] – the instant gratification of the corporates quarterly earnings obsession does not look extraordinary. However, there is always the other side of the moon. The fraudulent mortgage activities of real estate brokers, casual ratings offered by

the rating agencies to financial products backed by these mortgages, the deliberate oversight by regulators and many other scandals have revealed a severe lack of integrity and credibility in the contemporary economic system over the past ten years. The lack of ethics and a sense of responsibility haunted not only those who sold financial products, rated and regulated them, but also those who callously bought these products with their customers' money. The ethical economy seems to become an oxymoron in the atmosphere of uncertainty and chaos so typical for our Postnormal times [4]. Therefore, in the situation when you don't know when you're going to have good economic times again, it is only logical to get yours while the getting's good.

However, everyone understands that such a way is devastating, and any complex society needs an ethical fabric to keep it functioning. The principles of an ethical economy do not emerge instantly but nurtured and developed; therefore, education of future business leaders should play a vital role in this process. The current paper is going to present two ways that can lead to building an ethical economy. Both are already taught and practiced in the world, but at different extent, and both can find their expansion in the educational system of Kazakhstan. The first part of the paper will focus on Corporate Social Responsibility and its critic, and the second one will consider Islamic principles of economy, their pros, and cons for teaching and implementing in Kazakhstan. The final remarks will be presented in the Conclusions.

1. Learning to Be Responsible in Society

In the modern world of finance, one trend stands out catching the attention of a keen observer. Ethics that used to be as distant from the world of contemporary business as the sun from the earth has moved to the frontline forming corporate policy. The broader audience knows this tendency under the name of "Corporate Social Responsibility" or CSR that could be defined as a type of international private business self-regulation [5]. Initially, it has been considered a voluntary form of corporate self-regulation and voluntary decisions at the level of individual organizations [6], but over the last decade or so it has moved to mandatory schemes at regional, national and even transnational levels.

The roots of the CSR concept have a long and wide-ranging history tracing for centuries evidence of the business community's concern for society [7]. However, the recent growth and popularity shifts "social responsibility" idea mostly to the twentieth century, especially from the early 1950s up to the present time. Contemporary research activities caused the creation of this image because formal writings in the field of CSR are mostly

a product of the previous century that started around the 1970 s. No surprise that the topical interest has generated mainly in the developed countries and the United States had championed the field with a sizable body of literature accumulated there [8]. As for Europe, this part of the world has become captivated with CSR in the last decades, providing considerable evidence that scholars and practitioners are taking this social concern seriously [9].

A well-known classification of CSR history by Patrick Murphy identifies four CSR eras that embraced the period before and after the 1950s' landmark in the popularity of the phenomenon [10]. The first period - up to the 1950 s – Murphy calls the “*philanthropic*” era because that time companies actively donated to charities more than anything else. The second period - from 1953 till 1967 – is classified as the “*awareness*” era for it generated more recognition of the total responsibility of business and its involvement in the community life. The next period - from 1968 till 1973 - Murphy named the “*issue*” era when companies started to identify specific issues such as urban decay, racial discrimination, pollution problems focusing on them. The current fourth stage started in 1974-78, according to Murthy and marked the “*responsiveness*” era when companies began taking acute management and organizational actions to address CSR issues. These actions include examining corporate ethics, altering boards of directors, and using social performance disclosures. In one of the first books of that decade by Harold Johnson, the author points out the changing character of a company's objectives and obligations in the new era. He states, “A socially responsible firm is one whose managerial staff balances a multiplicity of interests. Instead of striving *only* for larger profits for its stockholders, a responsible enterprise also takes into account *employees, suppliers, dealers, local communities, and the nation*” (Emphasis supplied) [11, p. 50]. This definition makes clear that the interests of employees and philanthropy-recipients are becoming an integral part of companies' CSR initiatives from now on.

We see that the long evolution brought the CSR concept to the point (but not the final destination) when it can be identified as a self-regulating business model that helps a company to be socially accountable, with an active ethical component envisioned there. Practicing CSR, companies become conscious of the kind of impact they are making on all fields of human life-enhancing society and the environment, instead of impacting negatively on them. Through CSR programs, philanthropy, and volunteer efforts, businesses can benefit society while boosting their own brands. The importance of CSR for the community now equates to the value for a company because CSR activities can help forge a stronger bond between

employee and corporation. A particular significance of CSR is in boosting morale and helping both employees and employers feel more connected with the world around them. What can be more attractive for teaching at business schools and MBA programs?

However, the CSR concept has a pressing flaw that might be not obvious at the first and even the second glance. This problem relates directly to the nature of the idea of “social responsibility”: while gaining popularity in business, it stays external and supplementary mechanism in the contemporary system of Western (world) liberal economy. While looking at the current business environment, it is easy to perceive low ethical standards, especially in the business community of Kazakhstan that is still going through a transition period. Therefore, there is a real threat that business school students might think of ethics as a constraint on profit. Usually, ethics is taught as a part of marketing for a few weeks. Such a curriculum situation can hardly stimulate students as future business leaders to be convinced that ethics should be an integral part of corporate strategy. This is the number one problem.

The second relates directly to teaching ethics. Of course, there are many different ways to teach the course at business schools [12]. To name a few, for example, one is a purely case-based approach, with no academic rigor, but then analytical frameworks underlying things are missing. Another frequently used approach utilizes teaching ethics from the perspective of moral philosophy, but then students have to learn how to apply that knowledge to the real world. Therefore, choosing a teaching approach, it is necessary to remember that the main objective of the Ethics Unit should be to provide students with the tools that could help them to ask the right questions when they are in other classes. Then they can push professors and classmates to consider the ethical dimensions of finance, marketing, human resources, and other components of the economy.

While teaching ethics at contemporary business schools, it could be helpful to organize it around disclosing three perspectives on ethics. The first one is the economic perspective that helps to answer these questions, “Are markets sufficient to guide ethical behavior? Why or why not? What are the conditions?” The second perspective brings us closer to a psychological approach and raises such a question, “Why do people in organizations behave ethically, and why do they not behave ethically?” The third, final one is the philosophical approach. It is the most alien to business people but the most profound from an existential perspective because it raises the question, “How can you determine whether a decision is ethical or not and by what criteria?”

Overall, the mentioned above educational steps can help students to understand that being an integral part and the essence of the CSR strategy, ethics aims not to decrease but increase long-term profits and shareholder trust through positive public relations and high ethical standards, to reduce business and legal risk by taking responsibility for corporate actions. However, an ethical perspective is not a dominant paradigm in the modern economic world the graduates will step in. The truth is that even the most ethically trained people do not do ethical things when the situation forces their hand otherwise. Is there a solution to this morally depressing situation? Let us talk about that in the next section.

2. While Considering the Shari'ah Law

A reliable alternative to Corporate Social Responsibility has been calling business attention for the last few decades. Its solidness is rooted in the fact that it frames not just a concept or a component but a comprehensive and overarching complex system called "Islamic economics and finance." Ethics lies at the heart of this phenomenon that once had been intended as a model for wealth distribution across society, a mechanism to empower communities, a tool for financial inclusion and jobs creation. Its main objective is to create, develop, and support *the real* economy.

If one wants to trace the history of Islamic economics and finance in its contemporary form and see its theoretical roots, she will need to go to the early years of Islam when the appropriate financial tools emerged [13]. The will of Umar ibn al-Khattab, the second caliph (634-644), established the *Bayt al-Mal* or the Central Treasury. Its primary duty was alms administrating, including the distribution of *zakat*, a form of obligatory alms-giving in Islam and its pillar. More fundamentally, the institution had to serve to the construction of compassionate society, which vision Umar derived from the Prophetic tradition centered on the protection of the weak and vulnerable. Welfare programs of the Central Treasury had to ensure equality and a basic standard of living for all citizens, providing for widows, orphans, the infirm, the unemployed, and the elderly.

The mid-twentieth century gave a new boost to Islamic economics and finance accompanying the postcolonial identity seeking process. In 1963a profit-sharing institution in Egypt in the town of MitGhamr replicated the Umar's experience. It neither charged nor paid interest, invested in local trade and industry, shared profits with depositors, and functioned less as a commercial bank and more as a vehicle for savings and investments [14, p. 135]. Later on, in 1975, the first multilateral Islamic development

bank was created in Saudi Arabia and the first regulated private sector Islamic bank in the UAE.

The last decade of the 21st century has seen a sharp rise in the Islamic economy, especially in its financial sector where banks have started to offer a real and attractive alternative to the financial instruments most customers got used to. This alternative economic system has grown to become a prominent means of financial management not only in the Middle East, Africa, and Asia. Islamic banking has been gaining its stand in Western economies that have not typically been associated with it in the past. In 2013 at the World Islamic Economic Forum David Cameron announced that the United Kingdom would be the first western sovereign state to issue an Islamic bond (*sukuk*), and *the Independent* announced that the Prime Minister hoped that “London can tap into the rapidly expanding global market in Islamic investments” [15].

According to Thomson Reuters’ *2018 Islamic Finance Development* report, the growth achieved by the Islamic finance sector over the past two decades has been striking [16]. In 2017, Sharia-compliant assets reached a total value of \$2.44 trillion, up from \$200 billion in 2003. Currently, around 1,400 Islamic finance institutions operate across 80 countries. More than that, Islamic lenders in the banking sector have outperformed conventional banks over the past decade. The forecast looks more than rosy: Sharia-compliant financial assets can reach \$3.8 trillion by 2023, averaging annual growth of 10 percent. What is attracting new players into this market that is governed by such a strange and even scary concept as the Shari’ah?

Several key fundamentals govern Islamic economy [17]. Firstly, ethics stitches the whole fabric of Islamic economics and finance. Therefore, the whole system guides individuals to direct their actions and participate responsibly in economic transactions to improve the wellbeing of society. It is manifested, first of all, in the attempt to reconcile competition and cooperation that according to the fundamental sources of Islam (the Qur’an and the Sunnah) are two sides of human nature. Secondly, individuals capable of acquiring a more significant amount of property and assets through higher mental and physical capacities have greater responsibilities to share with others. Thirdly, recognizing contract law, Islamic economic system requires (1) all parties to honor their contracts; (2) build trust in partnership; (3) perform excellent and beneficial deeds to reap rewards; (4) develop righteous conduct directly linked to the rate of return on activities; and finally (5) if return is desired the principle of taking on liability leads to risk-sharing concept. Besides, Shari’ah law prohibits engaging in activities or

transactions that are considered harmful to people, society, or the environment. This ethical approach is at the core of Islamic economics and banking; it requires avoiding transactions involving usury, speculation, gambling, or industries contrary to Islamic values. So for investors that share these principles, irrespective of religion, Islamic economics, and finance provide a range of options.

However, despite all distinct social and economic advantages, on a global scale, Islamic finance is still small, representing just one percent of global financial assets. At the same time, this small percentage indicates the potential for growth in new and current markets such as Kazakhstan, for example.

Financial experts consider the Republic “a rising star in the global Islamic financial services industry” [18, p. 10]. The history of the Islamic sector in Kazakhstani economy has been adding new milestones quite rapidly. The following dates can sketch it out [19, 20, 21]:

1992 – Al Baraka Bank (Pakistan) opened its branch in Kazakhstan.

1995 – Kazakhstan became a member of the Islamic Development Bank (IDB).

1998 – IDB opened a regional office in Kazakhstan.

2009 – Some Islamic legislation was introduced to regulate the operations.

2010 – Al-Hilal Bank (UAE) opened its branch in Kazakhstan, and the first Islamic insurance was launched.

2011 – The government developed a legal framework for *sukuk*.

2012 – Kazakhstan obtained the 41-point plan "Road Map for Development of Islamic Finance by 2020"; DBK issued the first *sukuk*, and the National Bank of Kazakhstan became a member of the Islamic Financial Service Board.

2013 – The first *ijara* company (leasing or renting) began its operations; new fund for Islamic microfinance in the agro sector started working.

2014 – Review of previous legislation on Islamic finance took place; Kazakhstan became an observer member of AADIFI and IFM.

2015 – The government introduced a new set of amendments in the field of the economy including Islamic insurance, leasing, *sukuk*, and Islamic banking system.

2016 – Kazakhstan launched the first sovereign *sukuk*.

2018 – The Astana International Finance Center (AIFC) opened its doors not only for the international players to come and domesticate their

business in Kazakhstan but to promote more aggressively Islamic finance in Kazakhstan and Central Asia.

June 2019 – The AIFC Central Shari’ah Advisory Board is established.

Kazakhstan has been in the frontier leading Islamic finance development in the Central Asian region, and by 2020, the plan for Kazakhstan Islamic banking industry is to reach 3-5% of its total banking assets. In order to achieve this vision, the country needs to develop not only rigorous economic plans but adjust its business education to this new vision as well. The growing infrastructure of Islamic economy and finance needs new professionals who are qualified to put monetary and financial arrangements in a proper perspective. A new generation of business leaders should be familiar both with the general rules and trends of the world economy and the Shari’ah fundamentals that govern Islamic economics and its financial instruments.

For this purpose, the framework of business education must focus, first of all, on sustenance as it makes life possible and enduring. Secondly, it should promote freedom of choice without which life would be meaningless. Thirdly, regulations that ensure peace, human dignity, and prevention of exploitation and oppression should be embedded in the learning process and glue activities of the graduate in real life. In contrast with the conventional business education that concentrates on growth alone, Islamic business training helps students to remember that an exclusive focus on growth without any commitment to sustenance with dignity for all is a sure way to economic and social failure. Implementation of these principles should be systematic, comprehensive, and interdisciplinary. Unfortunately, current business education in Kazakhstan provides students only with a unit or two on Islamic finance, giving them bits of information in an introductory mode. Opening of a faculty or a program on Islamic economics and finance can improve the situation contributing to the diversification of the Kazakhstan economy in the future. A few universities in the country have good potential to become a pioneer in the field. Among them are Narxoz University, KIMEP, Al-Farabi Kazakh National University and others that have a long history of teaching economy. Now we have to wait which one will step forward and become a bridge to an entirely new economy of the 21st century in Kazakhstan.

CONCLUSIONS

Choosing a way to teach an ethical economy now – either focus on CSR or Islamic economy or the third way - Kazakhstan is making a choice for its future(s) in economics and finance. The process calls for rethinking the entire economic system as well as promoting (self)-criticism and generating new ideas. While business schools in the Republic primarily deal with the CSR

concept and reluctantly consider the inclusion of introductory courses on Islamic economics, the world trend has become more apparent – the decline of the West and the shift in power to the East [22]. This change may be accompanied by rejecting capitalism either in its radical modification or entirely, as an economic system. However, the most destructive products of western capitalism – inequality and the indignity at all levels – could require quite a time to overcome and eliminate their consequences. Along the way, an ethical economy that emphasizes equality, human brotherhood, and sharing (revenue as well as losses) is built up.

Such a perspective in Futures Studies is called a “preferable future” or “what we want to have happened” [23, p.25]. It is a vision that identifies and tries to create a future that does not exist yet. This vision moves reality beyond the present toward the best that can be. The journey requires some actions. Therefore, the choice of a business educational model that Kazakhstan inevitably faces is the first step in the ideal direction.

References:

1. Kureshi, Hussain. 2019. “Corporate Governance, Ethics and Compliance.” ISFIRE. 9 (3): 26-31.
2. Instant Family. Official website: <http://www.instantfamily.org>.
3. Instant Checkmate. Official website: <https://www.instantcheckmate.com>
4. Sardar Ziauddin. 2010. "Welcome to Postnormal Times." *Futures*. 42 (5): 435-444.
5. Sheehy Benedict. 2011. "Defining CSR: Problems and Solutions." *Journal of Business Ethics*. 131 (3): 625-648.
6. Sheehy, Benedict. 2012. "Understanding CSR: An Empirical Study of Private Regulation." *Monash University Law Review*. 38:103-127.
7. Carroll, Archie B. 2007. *A History of Corporate Social Responsibility: Concepts and Practices*. The Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility. Oxford University Press, pp. 19-45.
8. Carroll, Archie B. 1999. “Corporate Social Responsibility: Evolution of a Definitional Construct.” *Business and Society*, 38 (3): 268–295.
9. Habisch, André, Jonker, Jan, Wegner, Martina, and Schmidpeter, René (eds.). 2005. *Corporate Social Responsibility across Europe*. Berlin: Springer Berlin Heidelberg.
10. Murphy, Patrick E. 1978. “An Evolution: Corporate Social Responsiveness.” *University of Michigan Business Review*, 30 (6): 19–25.

11. Johnson, Harold L. 1971. *Business in Contemporary Society: Framework and Issues*. Belmont, Calif.: Wadsworth Publishing Co., Inc.
12. Dann, Jeremy. 2009. "Stanford's Malhotra: Bridging the Ethics Gap." CBS News, June 25. <https://www.cbsnews.com/news/stanfords-malhotra-bridging-the-ethics-gap/> (Accessed July 08, 2019).
13. Irfan, Harris. 2014. *Heaven's Bankers. Inside the Hidden World of Islamic Finance*. London: Constable.
14. Irfan, Harris. 2019. "Cryptocurrency and the Islamic Economy." *Critical Muslim*, 29:132-147.
15. Withnall, Adam. 2013. "David Cameron unveils plan to make London a Mecca for Middle East wealth." *The Independent*, October 29. <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/david-cameron-unveils-plans-to-make-london-a-mecca-for-middle-east-wealth-8911301.html> (Accessed July 10, 2019).
16. World Finance: Islamic Finance Awards 2019. March 26. <https://www.worldfinance.com/awards/world-finance-islamic-finance-awards-2019> (Accessed July 10, 2019)
17. Askari, Hossein, Zamir Iqbal, and Abbas Mirakhor. 2015. *Introduction to Islamic economics: theory and application*. Hoboken: John Wiley & Sons.
18. An Exclusive Interview with Dr. Kairat Kelembetov. 2019. *ISFIRE*, 09 (03), June: 10-18.
19. Latest Thomson Reuters, IRTI and CIBAFI Report Suggests Kazakhstan Well Under Way to Building Islamic Finance Economy. 2015. Press Release. https://www.zawya.com/mena/en/press-releases/story/Latest_Thomson_Reuters_IRTI_and_CIBAFI_Report_Suggests_Kazakhstan_Well_Under_Way_to_Building_Islamic_Finance_Economy-ZAWYA_20151202060905/ (Accessed July 11, 2019)
20. Rashid, Mamunur. "Islamic Finance in Kazakhstan – The Future Hub of Islamic Finance in Central Asia." 2017. *The World Financial Review*, June 03. <https://www.worldfinancialreview.com/islamic-finance-in-kazakhstan-the-future-hub-of-islamic-finance-in-the-central-asia/#prettyPhoto>.
21. The AIFC's History Milestones. *The Annual Report on the Activities of Astana International Financial Center*. 2019. Nur-Sultan: Astana International Financial Center, pp. 17-23.
22. Layne, Christopher. (2012). "The Global Power Shift from West to East." *The National Interest*, no. 119: 21-31. <http://www.jstor.org/stable/42896450>.
23. Hancock, Trevor & Bezold, Clement. (1994). Possible Futures, Preferable Futures. *The Healthcare Forum Journal*. 37 (2): 23-29.

ӘОК 657.1, 657.6

**Жантаева А.А., PhD докторы, доцент,
Кушкинбаева Ж., Метербек Д., Шакирова А.**
«Нархоз» университеті АҚ, Алматы қ., Қазақстан

ҰЙЫМ ҚЫЗМЕТІН КЕШЕНДІ ТАЛДАУЫН АҚПАРАТТЫҚ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ МЕН ҚОЛДАНЫЛАТЫН ӘДІСТЕРІ

Аңдатпа

Кешенді экономикалық талдаудың ақпараттық тірегі болып бухгалтерлік баланс және пайда мен зиян туралы есеп беру, сөйтсе де бұл есептілік нысандары қалған басқа ақпарат көздерінің мәнін жоққа шығармайды.

Бухгалтерлік баланс талдаушыға ұйымның өткен шақтағы қаржылық және мүліктік жағдайы туралы ақпаратты алуға және болашаққа болжам жасауға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: кешенді талдау, пайда, зиян, корреляциялық әдіс, матрица

**Жантаева А.А., доктор PhD, доцент
Кушкинбаева Ж., Метербек Д., Шакирова А.**
АО Университет «Нархоз» г. Алматы, Казахстан

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ПРИМЕНЯЕМЫЕ МЕТОДЫ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация

Информационной базой комплексного экономического анализа являются бухгалтерский баланс и отчет о прибылях и убытках, хотя эти формы отчетности не исключают значения остальных источников информации. Бухгалтерский баланс позволяет аналитику получить информацию о финансовом и имущественном положении организации за истекший период и прогнозировать будущее.

Ключевые слова: комплексный анализ, прибыль, вред, корреляционный метод, матрица

Zhantaeva A.A., Associate professor, PhD
Kushkimbaeva Zh., Meterbek D., Shakirova A.
«Narxoz» University, Almaty, Kazakhstan

INFORMATION AND APPLY THE METHODS OF COMPLEX ANALYSIS OF THE ORGANIZATION

Abstract

The information base of the complex economic analysis is the balance sheet and income statement, although these forms of reporting do not exclude the value of other sources of information.

The balance sheet allows the analyst to obtain information about the financial and property status of the organization for the past period and predict the future.

Keywords: complex analysis, profit, harm, correlation method, matrix

Кешенді талдау әртүрлі бөлшектеп зерттеу дәрежесімен жүргізіледі. Талдау тереңділігі мен сапасы талдаушының қарамағындағы ақпарат көлемі мен шынайылығына байланысты. Ақпараттық ресурстарға қол жету мүмкіндіктеріне сәйкес мәліметтердің екі деңгейін белгілеп кетуге болады – олар сыртқы және ішкі. Сыртқы мәліметтер талдау объектілері туралы жалпыға бірдей қол жетерлік ақпаратты қамтиды және пайдаланушыларға бухгалтерлік және статистикалық есептілік нысандары, бұқаралық ақпарат құралдары түрінде беріледі, кейбір жағдайларда осыған акционерлер жиналысының материалдарын, ақпараттық-талдамалық агенттіктердің деректерін жатқызуға болады. Соңғы ақпарат көзі әрқашан да шынайы мәліметтерді бермейді, өйткені көп жағдайда коммерциялық сипатқа ие (мысалы, статистика агенттігінің талдамалық салалық шолулары) [1,61 б.].

Ішкі мәліметтер талданатын объект шегінде айналатын қызмет сипатындағы ресми жасырын ақпарат түрінде болады. Ішкі ақпарат көздеріне басқару (өндірістік) есебінің мәліметтері, есеп регистрлері және қаржылық есептің талдамалық түсіндірмелері, шаруашылық-құқықтық, техникалық, нормативті-жоспарлы құжаттама жатады.

Баланстың атқаратын міндеттері – есепті жыл ішіндегі ұйымның қаржылық жағдайы жөніндегі өзгерістерді сипаттау болғандықтан, баланс екі бағаналы кестеден – жылдың басындағы және аяғындағы көрсеткіштерді ажыратып тұрады. Есепті екі жылдың көрсеткіштері жазылған баланста осы жылдың аяғындағы баланстың арнайы

тараулары мен баптарына жазылған көрсеткіштер келесі жылдың балансын жасау үшін жылдың басындағы көрсеткіштер болып, баланс бағанасына жазылып отырады [1,62 б.].

Сыртқы пайдаланушылар үшін табыстар және шығындар жөніндегі қорытынды есеп қысқа үлгіде жасалынады. Пайда мен залал туралы есептілік есеп сату (есептеу) қағидасына сай жасалынады. Капитал қозғалысы туралы есеп беру меншік иелері капиталындағы өзгерістерді бақылауға мүмкіндік береді.

Кешенді талдаудың алдын-ала сатысының құрамдас бөлігі болып бастапқы мәліметтердің қайта құрылымдау үдерісі табылады. Мұнда талдамалық баланс және пайда мен зиян туралы есеп беруді құрастыру туралы сөз қозғалып отыр.

Бухгалтерлік есептілік баптарын талдау және ұйымның қаржылық қызметінің әртүрлі көрсеткіштері арасындағы өзара байланыстылық пен өзара тәуелділікті айқындау оның белгілі бір мерзіміне – есепті кезең басы мен аяғына қаржылық жағдайы туралы көрініс алыға мүмкіндік береді.

Жақсы ақпаратпен қамтамасыз етілу талдамалық жұмыстың дұрыстығы мен нәтижелілігінің кепілі болып саналады, бірақ талдау үдерісі кезінде қалыптасқан қорытындылардың шынайлығы мен дұрыстығына кепілдік бермейді. Ақпаратты түсіндіру сәтінде талдау жүргізетін тұлғаның біліктілігі үлкен рөл атқарады. Қандай талдау түрі болмасын оның әрбіреуінің өзіндік әдісі бар. Талдаудың әдісі деп шаруашылық процестер мен құбылыстарды олардың қалыптасуы мен дамуында зерттелетін диалектикалық амал. Шаруашылық үдерістерді зерттеу кезінде қолданылатын әдістер мен тәсілдердің жиынтығын кешенді экономикалық талдаудың әдістемесі деп атайды.

Талдау әдісіне келесі ерекшеліктер тән: [1,67 б.].

1. Көрсеткіштер жүйесін қолдану. Кез-келген фирманың, компанияның қызметін бағалаған кезде бір көрсеткіш емес, бірнеше көрсеткіш, яғни көрсеткіштер жүйесі қолданылады. Осылайша, кәсіпорынның жұмысын мына көрсеткіштер арқылы бағалауға болады: пайда, рентабельділік, негізгі құралдардың әділетті құны, дебиторлық және кредиторлық қарыздың болуы;

2. Негізгі белгіленген факторларды зерттеу. Мысалы, кез келген кәсіпорынның қаржылық нәтижесіне сатылған тауарлар саны, олардың бағасы, тауардың бәсекеге қабілеттілігі, халықтың төлем қабілеттілігі, ауа-райы, жолдардың жағдайы сияқты көптеген факторлар әсер етеді. Бірақ барлық факторларды зерттеу мүмкін емес және әрқашан мақсатқа

сай келмейді, сондықтан тек негізгі факторлар ғана зерттелінеді: сатылған тауарлардың саны, олардың бағасы және төлем қабілеттілігі;

3. Көрсеткіштердің өзара байланыстылығы және өзара тәуелділігі. Кәсіпорынның барлық көрсеткіштері бір-бірімен өзара байланысқан. Мысалы, таза табыс сатылған тауарлардың санына, олардың бағасына, сатып алушылардың сұранысына байланысты. Сол уақытта сатып алушылардың төлем қабілеттілігі олардың еңбек ақы мөлшеріне, жұмыс істейтін лауазымына, көңіл-күйіне байланысты. Осылайша, компанияның барлық көрсеткіштері бір-бірімен өзара тығыз байланысқан.

Экономикалық талдаудың дәстүрлі тәсілдері мен амалдарына мыналарды жатқызуға болады: ұйым жұмыс қорытындысына алдынала бағдар ету; орташа және қатыстырмалы шамаларды есептеу; индекстік әдіс, тізбектелген қойылымдар; нәтижелерді графикалық сипаттау; талдамалық кестелерді жасау; әртүрлі көрсеткіштердің баланстық байланыстылығы. Бұл топтың әдістемелік амалдары тәжірибе жүзінде қолдануға ыңғайлы және қарапайым.

Ұйым жұмыс қорытындысына алдынала бағдар ету есептілік мәліметтері бойынша шаруашылық қызметтің негізгі көрсеткіштерін қарастыру арқылы жүргізіледі: сату жоспарының орындалуын, кірістерді, шығыстарды, меншікті айналым қаражаттарының болуын және т.б. ол шаруашылық қызметтің қорытындылары туралы көрініс береді және қалыптасқан нақты көрсеткіштерді түсіндіруде факторларды талдаудың негізгі бағыттарын анықтауға мүмкіндік береді [2,132].

Статистика әдісі (объектілердің әртүрлі болып жатқан процесін, жағдайын сипаттайтын санмен белгіленген көрсеткіштерін анықтау). Статистикалық зерттеуде келесі сатылар берілген: тіркеу, арнайы нысандарды пайдаланумен бастапқы мәліметтерді есепке алу; белгілі-бір белгілер бойынша мәліметтерді жүйелеу және топтастыру; мәліметтерді қабылдауға және талдауға ыңғайлы түрінде ұсыну; болып жатқан процестердің мәнін түсініп талдау жүргізу.

Орташа және қатыстырмалы шамаларды есептеу экономикалық талдауда кеңінен қолданылады. Шаруашылық үдерістерді объективті бағалауға мүмкіндік береді. Әдетте, талдау кезінде абсолютті шамалар (құндық, натуралды) пайдаланылады, бірақ жиі оларды салыстыру кезінде жоспардың орындалу сапасы немесе қандай да бір көрсеткіштердің айқындалған тенденциялары туралы қорытынды жасау қиынға соғады [3,94 б.].

Салыстыру әдісі (салыстырмалы көрсеткіштердің жоспарлы көрсеткіштерден ауытқуларын анықтау үшін салыстыру, оның себептерін

анықтау және резервтерін айқындау). Талдауда қолданылатын салыстырудың келесі түрлері бар:

- есепті көрсеткіштерді жоспарлы көрсеткіштермен;
- жоспарлы көрсеткіштер өткен кезеңдегі көрсеткіштермен;
- есепті көрсеткіштер өткен жыл көрсеткіштерімен;
- әр күннің жұмыс көрсеткіштері;
- орташа салалық мәліметтермен салыстыру көрсеткіштері;
- берілген кәсіпорынның өнімнің техникалық деңгейі және сапа көрсеткіштерін ұқсас кәсіпорындардың көрсеткіштерімен;
- бір бөлімше жұмысының көрсеткіштері басқа бөлімшенің ұқсас көрсеткіштерімен;
- қандай да бір жаңалықты енгізгенге дейін және кейінгі жұмыс нәтижелерінің көрсеткіштері.

Шаруашылық қызметтің тиімділігін кешенді түрде бағалау әдіснамасы есеп айырысу жүйесінен тұрады. Көрнекілік мысал ретінде, кәсіпорынның 2 жыл аралығындағы есеп айырысуларын аламыз: 1-жыл – базалық; 2-жыл-есептік; «Мысал ретіндегі кәсіпорынның базалық көрсеткіштері» - бастапқы деректері, Қарқындылық пен тиімді дамудың талдауының қорытындысы қысқаша түрде кестеде берілген.

Кесте 1– Қарқындылық пен тиімді дамудың талдауы

Ресурс түрлері	Сапалы көрсеткіштер динамикасы	Өнім өсімділігін 1% ресурс өсімімен %	Өнім өсімінің 100% бөлігі		Ресурстардың салыстырмалы экономикасы
			Кең түрде	Қарқындылық	
1а. Өндіріс персоналы	1,046	0,053	+5,3	+94,7	-561
1б. Еңбекақы бөлінуі	1,025	0,477	+47,7	+52,3	-298
2.Материалдық шығындар	1,005	0,893	+89,3	+10,7	-264
3. Амортизация	0,999	1,018	+101,8	-1,8	+7
4. Негізгі қаржылар	0,993	1,160	+116,0	-1,6	+583
5. Айналым қаржылары	1,034	0,298	+29,8	+70,2	-551
6.Қарқындылықты кешенді бағалау	1,003	0,934	+93,4	+6,6	-523

Ресурстарды қолданудағы сапалы көрсеткіштер динамикасы: 1-жылмен салыстырғанда, 2-жылдың жұмысты орындау көрсеткіші 1,046 немесе 104,6% құрайды. Ресурстардың өсімінің сату көлеміне арақатынасы 1% есеппен. Біздің мысалда, әр өнімнің өсімділігін көбейту үшін жұмыскерлердің санын 0,053% (0,3/4,9) көбейтуге тура келді, еңбек ақысын-0,477%, материалдық ресурстарды қолданғанын - 0,893%, амортизациясын-1,018%, жалпы құнды-1,160%, материалдық айналым құнын-0,298%-ға.

Бұл мағлұматтар жұмысшылар үшін куәгерлік етеді, оның еңбекақысы, кең түрдегі материалдық ресурстарды қолдануымы, ал амортизациялық және жалпы құн бойынша-қарқындылыққа қарама-қарсы болатын кең түрдегі қолданыс, яғни қор қайтарылымының қолданысын азайтады. Бұл қорытынды өнімнің кең және қарқынды өсімін есептеуде көрнекі байқалады. Кешенді баға беру үшін жалпы ресурстардың өсімділігін өнім өсіміне 1% қатынасын есептеу маңызды. Екі жыл аралығындағы жалпы ресурстардың өсу шапшаңдығы - 104,580%, мұндағы жалпы ресурстардың өнім өсіміне 1% қатынасы 0,934% (4,580/4,906). 1% өнімнің өсімділігі қарқындылықтың -0,934% құрайды, ал кеңдігі -0,066. Кешенді экономикалық талдауында қолданылатын әдістердің ішінде корреляциялық әдіске тоқталған жөн. Бұл әдіс ірі корпорациялар және акционерлік компаниялар деңгейінде табысты болашаққа жобалаған кезде кеңінен пайдаланылады.

Корреляциялық әдістің ерекшелігі – бұл әдіс функционалдық байланысы жоқ жерде қолданылады. Зерттелетін көрсеткіштер арасындағы тәуелділікті сипаттайтын негізгі көрсеткіш – корреляция коэффициенті болып табылады, оның мәні 0 ден 1-ге дейінгі аралықта, бірақ ешқашан бірге тең болмайды[4,84].

Егер корреляция коэффициентінің мәні:

– 0 – 0,30 – байланыс әлсіз, бұл байланысты терең зерттеу қажет емес;

– 0,31 – 0,50 – байланыс бірқалыпты;

– 0,51 – 0,70 – байланыс жетерліктей;

– 0,71 – 0,90 – байланыс жоғары;

– 0,91 – 1,0 – байланыс өте жоғары.

Корреляция коэффициенті зерттелетін көрсеткіштер арасындағы тәуелділіктің тығыздығын сипаттайды.

$$r = \frac{n \sum y * x - \sum y * \sum x}{\sqrt{[n * \sum x^2 - (\sum x^2)] * [n * \sum y^2 - (\sum y^2)]}} \quad (1)$$

Корреляциялық әдіс кезінде факторлардың әсері регрессия коэффициентімен анықталады:

$$b = \frac{n \sum y * x - \sum y * \sum x}{\sqrt{[n * \sum x^2 - (\sum x^2)]}} \quad (2)$$

Пайыздық қатынастағы факторлардың әсері детерминация коэффициентінің көмегімен анықталады және мына формуламен есептелінеді:

$$R = r^2 \quad (3)$$

Кешенді экономикалық талдауда кеңінен қолданылатын әдістердің қатарында матрицалық әдіс орын алады.

Матрицалық әдістердің мәні келесі матрицаларды құрастыруда:

- бастапқы мәліметтер матрицасы;
- координаттар матрицасы;
- квадраттар матрицасы;
- өлшенген шамалар матрицасы.

Бастапқы мәліметтер матрицасына бизнес үшін маңызды келесі көрсеткіштер кіруі мүмкін: өнімді өткізуден түскен табыс, таза табыс, шығындар, салықтар, еңбек ақы қоры, еңбек өнімділігі, жабдықты пайдалану.

Координаттар матрицасын құрастыру үшін бастапқы мәліметтер негізінде максималды мәнді тауып әрбір көрсеткішті осы мәнге бөлеміз.

Келесі кезекте квадраттар матрицасын құрастырамыз. Ол үшін координаттар матрицасының әрбір санын квадраттап және әрбір филиал немесе бөлімше бойынша соманы шығарып және соның негізінде компания бойынша жақсы нәтижені айқындаймыз.

Өлшенген шамалар матрицасын алу үшін келесі баллдарды пайдаланамыз:

- өнімді өткізуден түскен табыс бойынша жоспарды орындау – 5 балл;
- өзіндік құн бойынша жоспарды орындау – 4 балл;
- еңбек өнімділігі бойынша жоспарды орындау – 3 балл;
- негізгі құралдарды пайдалану бойынша жоспарды орындау – 2 балл;
- таза табыс бойынша жоспарды орындау – 2 балл.

Өлшенген шамалар матрицасын құрастыру үшін квадраттар матрицасының әрбір көрсеткішін тиісті баллдарға көбейтеміз және әрбір филиал немесе бөлімше бойынша соманы анықтап соған сәйкес орын беру керек.

Өлшенген шамалар матрицасының нәтижелері талқылауға жатқызылмайды. Матрицалық әдіс сатумен айналысатын құрылымдарды кеңінен қолданылады [4,86].

Пайдаланған әдебиеттер тізімі

1. Любушин Н.П. Анализ финансового состояния организации: учебное пособие – М.: Эксмо, 2007 – 256 с.
2. Маркарян Э.А. Экономический анализ хозяйственной деятельности: учебное пособие. – М.: Кнорус, 2008 – 552 с.
3. Нитецкий В.В., Гаврилов А.А. Финансовый анализ в аудите: теория и практика: учебное пособие. – М.: Дело, 2001. – 256 с.
4. Попова Л. Управленческий учет и анализ с практическими примерами, 2008. – 272 с.

МРНТИ:12.81.49

Екатерина Царанок

Қазіргі білім беру және зерттеу институты, Брюссель, Бельгия

ЭРАСМУС + ТОЛЫҚ НЕГІЗДЕГІ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ӨНІРЛІК АКАДЕМИЯЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ РӨЛІ (2021-2027)

Аңдатпа

Орталық Азия елдері экономикалық реформа процесінде. Үкімет өсуді ынталандыру, сауданы кеңейту, жұмыс орындарын құру және азаматтардың өмір сүру сапасын жақсарту үшін саясаттарын түзетуде. Орталық Азиядағы сауда-экономикалық процестердегі аймақтық ынтымақтастық бірқатар аймақтық және халықаралық бағдарламалардың көмегімен жүзеге асырылады. Moderneducation and research institute өкілдері академия саласындағы аймақтық ынтымақтастық аймақтың тыныштығы мен гүлденуі үшін бірдей маңызды деп санайды. Біз Еуропалық Комиссияға жіберілген зерттеу дайындадық. Осы зерттеуде біз Эразмустың келесі 2021-2027 бағдарламасы аясында Орталық

Азия елдері арасында жоғары білім саласындағы аймақтық ынтымақтастықты қаржыландыруға арнайы жол бөлген жөн деп санаймыз.

Түйінді сөздер: аймақтық ынтымақтастық, жоғары білім, Эразмус, Орталық Азия, Қазіргі білім және зерттеу институты.

Екатерина Царанок

*Институт современного образования и исследований
Брюссель, Бельгия*

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СЛЕДУЮЩИХ РАМКАХ ERASMUS + (2021-2027)

Аннотация

Страны Центральной Азии находятся в процессе экономических реформ. Правительства корректируют свою политику в целях содействия росту, расширению торговли, создания рабочих мест и повышения качества жизни граждан. Региональное сотрудничество в торгово-экономических процессах в ЦА поддерживается рядом региональных и международных программ. Представители Moderneducation and research institute полагают, что региональное сотрудничество в академической сфере одинаково важно для мира и процветания региона. Мы подготовили исследование, которое было представлено Европейской комиссии. В этом исследовании мы утверждаем, что целесообразно посвятить специальную линию финансирования регионального сотрудничества в области высшего образования между странами Центральной Азии в рамках следующей программы Erasmus 2021-2027 года.

Ключевые слова: региональное сотрудничество, высшее образование, Эразмус, Центральная Азия, Modern education and research institute.

Ekaterina Tsaranok

Modern Education & Research Institute, Brussels, Belgium

ROLE OF THE REGIONAL ACADEMIC COOPERATION IN CENTRAL ASIA IN THE NEXT ERASMUS+ FRAMEWORK (2021-2027)

Abstract

The countries of Central Asia are those in the economic transition. The governments are adjusting their policies to promote growth, generate

trade, create jobs, and improve the quality of life of citizens. The regional cooperation in the trade and economic transition in the CA is supported by a number of regional and international programmes. We at MERI consider that regional cooperation in the academic sphere is equally important for the peace and prosperity of the region. We have prepared a study that we submitted to the European Commission where we argue that it is worthwhile to dedicate a special line of funding to the regional cooperation in higher education among the countries of Central Asia in the next framework of the Erasmus+ programme which is 2021-2027.

Keywords: regional cooperation, higher education, Erasmus+, Central Asia, Modern Education & Research Institute.

Introduction

In 2018 - beginning of 2019, the Modern Education & Research Institute conducted a survey on the new framework of the Erasmus+ programme that will take effect in 2021 and end in 2027. The budget of the next framework will be doubled [2]. The European Commission asked MERI and other interested educational establishments to suggest additional programmed directions that could be funded via the Erasmus+.

The countries of Central Asia are currently undergoing an economic transition where governments have launched structural and institutional reforms to promote growth, generate trade, create jobs, and improve the quality of life of their citizens [4]. Following in the footsteps of Kazakhstan and Kyrgyzstan, Uzbekistan has recently opened up due to new government policies and initiatives.

Regional cooperation in trade and the ongoing economic transition in CA is supported by a number of regional and international programmes: the Belt and Road Initiative, the Shanghai Cooperation Organisation, the Economic Cooperation Organisation, the Eurasian Economic Union, and the Central Asia Regional Economic Cooperation program, amongst others [3].

The article argues that regional cooperation in the academic sphere is equally important for the peace and prosperity of the region.

Methodology of the study

In this article, we argue that it is worthwhile to dedicate a special line of funding to the regional cooperation in education in the next framework of the Erasmus+ programme (2021-2027). The support of regional academic cooperation will help:

- foster better regional academic exchange;
- move the region towards common qualification and certification standards[1];
- match labour demand and supply across the region and thus create better employment opportunities;
- create regional research and education hubs in specialised areas of science;
- create an impetus for small and/or young regional universities to participate in international cooperation projects in the future [4].

Two of our member universities: the Central Kazakhstan Academy and the Kazakhstan Medical Institute of Continuing Education have supported our position. Together, we've invited the universities of CA to submit their opinion in regard to the potential and challenges of regional cooperation. 51 universities have taken part in the survey. The full list of the universities who have participated is listed in Appendix 1 of this article.

It is worth mentioning that not only did Central Asian universities submit their opinions in the survey, but universities from the Eastern Partnership countries and Russia who are involved in cross-border cooperation with the universities of Central Asia did as well. This shows that there is a strong interest in the development of regional and interregional academic ties within the broader region of the former USSR.

The questions in the survey included:

1. Information about the participating university.
2. Experience of the participating university in the projects of regional cooperation.
3. Achieved results in the projects of regional cooperation.
4. Plans for the future involving regional or international cooperation.
5. Description of partners of the participating university in the projects of regional cooperation.
6. Challenges for the regional cooperation.
7. Promising areas of cooperation for the participating university: international or regional.

Conclusions of the study

An analysis of the survey responses brings forward the following conclusions:

1. Large national and state universities favour international collaboration including various projects within the Erasmus+ frameworks.

Young and regional universities cooperate mostly on the regional level although they consider international cooperation more important for their development.

2. International cooperation offers more potential in the sphere of education, whereas regional cooperation brings more benefits in the development of science and research, as well as contributing to the fulfilment social responsibility purpose- i.e. cooperation between the universities, government, society and business.

3. Strategically, international cooperation is more important than regional cooperation for universities. International projects foster integration of European education and the creation of the European knowledge belt in the CA countries. It also contributes to the exchange of European experience and best practice methods in teaching, as well as the development of dialogue between the academic world and governments of the CA countries with the goal of improving state policy. In addition, experience in international cooperation improves the position of a university in both national and international rankings. However, not all regional universities have the technology, infrastructure, and experienced administrative staff to be able to manage an international project.

4. The following problems limit regional cooperation in Central Asia:

- differences in qualification standards for graduates in the region;
- lack of research financing;
- ageing of research staff;
- high centralisation of power in the region;
- formalities and restrictions in academic freedom;
- paternalism of the government in financing higher education;
- low interconnection in research carried out by universities compared to the needs of business and industry;
- low interest of government and industry in research results;
- lack of contacts between the universities in the same field of specialisation in the region;
- lack of experienced staff who could manage a cooperation project;
- low communication culture (potential partners from CA countries sometimes do not even reply to the invitation to cooperate);
- lack of contact information on the websites of potential regional partners (some universities do not have a functioning website, and a lot of universities have not updated contact information in years);
- differences in legislation in the partner countries.

5. The following problems limit international cooperation for the Central Asian universities:

- difficulties in finding the right partner abroad;
- sudden refusal from an EU partner to be a project member when an application deadline approaches;
- lack of information about Central Asia and Central Asian universities in Europe;
- focus of the international projects is more on Europe and less on the partner countries;
- lack of language skills;
- lack of experience in applying to and participating in international projects;
- lack of financing (finances that universities often have to provide from their own coffers);
- not all CA countries have a National Erasmus+ Office;
- lack of information regarding funding opportunities;
- not all Central Asian countries are members of the Bologna process and apply the ECTS credit system;
- not all universities in the region have a dedicated international office (sometimes international cooperation is done by staff members who combine this function with other administrative or educational tasks);
- lack of opportunities and platforms for collaboration in exchange of experience in distant or online formats;
- lack of technical facilities (laptops, projectors, interactive boards, etc.) to efficiently participate in the international projects;
- lack of motivation from the side of the university's administration;
- uneven distribution of finances of the Erasmus+ programme between the CA countries;
- geographical distance of some universities from the main transport infrastructure (international airports);
- strong need in the modernisation of instruments and approaches to teaching amongst the CA universities;
- poor IT infrastructure, IT equipment and internet coverage in certain regions of CA;
- existence of governmental standards in higher education in CA countries that are sometimes incompatible with those in European partner-countries.

6. Having analysed the survey results, we would like to suggest the following:

- creating a list of prospective consortium partners that are ready to get involved in the regional cooperation projects in CA;
- offering offline and online seminars and webinars in Russian or in the national languages of the CA countries, teaching universities how to fill in the grant application forms;
- creating communication platforms amongst potential partners (including WhatsApp and Telegram);
- organising special training sessions for the administrations of CA universities and explain the unlocked potential and possible benefits from regional and international cooperation, and the ways those types of cooperation function;
- providing external financing for the regional initiatives that focus on cooperation in online formats: online conferences and work-shops, exchange of online courses and lectures among the professors;
- providing external financing to acquire equipment and materials needed for virtual communication, as well as providing training of the university staff in how to use the equipment;
- encouraging virtual mobility of students as well as academic and administrative staff between the regional universities.

The results of the study were forwarded to the DG Education, Culture and Youth of the European Commission.

Appendix 1

List of universities that participated in the survey

Central Kazakhstan Academy, Kazakhstan

Kazakh Medical University of Continuing Education, Kazakhstan

Abay Myrzakhmetov Kokshetau University, Kazakhstan

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Almaty Management University, Kazakhstan

Almaty Technological University, Kazakhstan

Baku Slavic University, Azerbajdzjan

College of Physical Education and Sport, Kyrgyzstan

IakobGogebashvili Telavi State University, Georgia

Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

Institute of Economics and Finance, Kyrgyzstan

International Kazakh-Turkish University named after Akhmet Yassawi,
Kazakhstan

International School of Medicine, Kyrgyzstan

International University of Innovative Technologies, Kyrgyzstan

International University of Kyrgyzstan, Kyrgyzstan

Issyk-Kul State University named after Kasym Tynystanov, Kyrgyzstan

Izmail State University of Humanitarian Sciences, Ukraine

Jalal-Abad State University, Kyrgyzstan

Kamianets-Podilsky Ivan Ohienko National University, Ukraine

KARAGANDA ECONOMIC UNIVERSITY OF
KAZPOTREBSOYUZ, Kazakhstan

Karaganda Medical University, Kazakhstan

Karaganda State Industrial University, Kazakhstan

Karaganda State University named after the academician E.A. Buketov,
Kazakhstan

Kazakh Academy of Transport and Communications named after
M.Tynyshpaev, Kazakhstan

Kazakh National Agrarian University, Kazakhstan

KIMEP University, Kazakhstan

Kochkor-Ata Electronic Technical College of the Jalal-Abad State
University, Kyrgyzstan

Kostanay engineering and economics university named after M.Dulatov,
Kazakhstan

Kostanay State University named after A.Baitursynov, Kazakhstan

Kyrgyz Education Academy, Kyrgyzstan

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Kyrgyzstan

Kyrgyz State University of Construction, Transport and Architecture
named after N.Isanov, Kyrgyzstan

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Kyrgyzstan

Kyrgyz-Turkish Manas University, Kyrgyzstan

Kyrgyz-Uzbek University, Kyrgyzstan

Kyzylorda State University named after Korkyt Ata, Kazakhstan

Lugansk National Agrarian University, Ukraine

M.AUEZOV SOUTH KAZAKHSTAN STATE UNIVERSITY,
Kazakhstan

M.Kozybayev North Kazakhstan State University, Kazakhstan

M.S. Narikbayev KAZGUU University, Kazakhstan

M.Ryskulbekov Kyrgyz Economic University, Kyrgyzstan

Narxoz University, Kazakhstan

Osh State University, Kyrgyzstan
Osh Technological University named after M.M Adyshev, Kyrgyzstan
S.Seifullin Kazakh Agro Technical University, Kazakhstan
S.Toraighyrov Pavlodar State University, Kazakhstan
SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION "PREVENTIVE
MEDICINE," Kyrgyzstan
Suleyman Demirel University, Kazakhstan
Tashkent Institute of Irrigation and Agricultural Mechanization
Engineers, Uzbekistan
University of Management "TISBI," Russia
Vitebsk State Technological University, Belarus

Appendix 2

Acknowledgement

We would like to acknowledge help in the preparation of this paper and express gratitude to:

- our co-authors – the Central Kazakhstan Academy and its Rector MrBakhtybayZhunussov and the Kazakhstan Medical Institute of Continuing Education and its Rector at the timeMrZhumagaliIsmailov;
- the National Erasmus+ Offices for their great assistance in communication with the CA universities that took part in our survey;
- all the universities that took part in the survey and that are listed in Appendix 1 of this paper for their valuable contribution.

The Modern Education & Research Institute is based in Brussels and contributes to the modernisation of the teaching profession as well as aiding professors adapt to a quickly changing educational environment. This is done through the conducting of research, and the organising of educational programmes and scientific conferences. Our members are professors and university administrations from the countries of Central Asia (CA), the Eastern Partnership (EaP), and Russia.

Literature

1. Erasmus+: Towards a New Programme Generation, Policy Department for Structural and Cohesion Policies, Culture and Education, European Parliament, 2018. [http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=IPOL_STU\(2018\)617482](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=IPOL_STU(2018)617482)

2. Erasmus 2021-2027: The Union programme for education, training, youth and sport. EU Legislation in Progress 2021-2027 MFF. [http:](http://)

[//www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ BRIE/2018/628313 /EPRS_BRI\(2018\)628313_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/628313/EPRS_BRI(2018)628313_EN.pdf)

3. Liepach, Werner “Opinion: How regional cooperation could benefit Central Asian countries”. Devex, 2018. <https://www.devex.com/news/opinion-how-regional-cooperation-could-benefit-central-asian-countries-92667>

4. Regional Cooperation and Cross-Border Collaboration in Higher Education in Asia Ensuring that Everyone Wins. Asian Development Bank, 2012. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29931/regional-cooperation-higher-education-asia.pdf>

МРНТИ:12.81.67

Н.А. Михайлова

*Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Алматы, Қазақстан*

ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚСТАН ҚОҒАМЫНЫҢ ЖАҢА МЕНТІЛІК ЖӘНЕ МӘДЕНИ-ПАРАДИГМАЛАР

Аңдатпа

Бұл мақалада жаһандану ықпалының қазақстандықтар ділінің трансформациялануына әсері сұрақтары қарастырылып. Қазақстан қоғамының тұрақты дамуындағы мәдениеттік парадигманың маңызы көрсетілген.

Н.А.Михайлова

*Казахский национальный педагогический университет им. Абая
г. Алматы, Казахстан*

НОВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы трансформации ментальности казахстанцев, обусловленные влиянием глобализации. Показано

значение культурных парадигм для дальнейшего развития устойчивого общества Казахстана.

N.A. Mikhailova

*Kazakh National Pedagogical University named after Abaya
Almaty, Kazakhstan*

NEW MENTALITY AND CULTURAL PARADIGMS OF DEVELOPMENT OF MODERN KAZAKHSTAN SOCIETY

Abstract

In article the questions of transformation of mentality of Kazakhstan citizens caused by globalization influence are considered. Value of cultural paradigms for further development of steady society of Kazakhstan is shown.

Современная эпоха характеризуется беспрецедентными изменениями в области культурной, экономической, политической, научной и образовательной жизни казахстанского общества. В настоящее время глобализация стала самой характерной чертой развития человечества. По определению известного казахстанского философа А.Н. Нысанбаева, «глобализация – сложный многомерный процесс, включающий в себя интерпретацию тождества и различия, универсализма и фрагментаризма». Философ считает, что в условиях глобализации крайне актуальным является «вопрос о сохранении языковой и культурной идентичности, самобытности и уникальности традиционной культуры казахского и других народов Казахстана». Высказывая мысль о сохранении национально-культурного наследия, ученый пишет, что в начале XXI в. необходимо думать не только о традициях, но и о достойном вхождении страны в мировое культурное пространство в новом тысячелетии, сохранив при этом духовные и культурные ценности народа [1]. Сегодня вектор развития Казахстана повернут в сторону Запада. Свершилось это вследствие обесценивания всей национальной идеологии после краха «имперскости» СССР, куда входил и Казахстан, являясь составной частью мощной континентальной империи. Произошло одно из самых

серьезных последствий глобализации – разрушение устоявшегося социального и культурного пространства. Это привело к росту социальной и психологической напряженности общества, поскольку отпала необходимость в устоявшейся советской системе ценностей. У людей старшего и среднего поколения возникло состояние фрустрации, когда старые ценности уже не работают, а новые – не понятны, а иногда и просто неприемлемы.

В Казахстане произошла массовая миграция, но в отличие от Великого переселения народов как целостного культурного социального организма, сегодня мигрируют именно «осколки народов», которые несут с собой старые привычки, но не в состоянии социокультурно воспроизводить себя. Возникает проблема самоидентификации человека в глобальном мире [2].

Ныне Казахстан является независимым государством и в связи с этим возникла новая антропогенная реальность, обусловившая появление и новой ментальности казахстанцев. Возникает возможность образования новой уникальной культурной парадигмы казахстанской идентичности в поликультурном и полиэтническом обществе. Большой вклад в это внес и постоянно работает в этом направлении лидер Республики Казахстан Н.А. Назарбаев. В Послании первого Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева «Казахстанский путь-2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» озвучена необходимость разработки национальной идеи общеказахстанского дома - патриотического акта «Мәңгілік Ел» [3]. Разработка национальной идеи «Мәңгілік Ел» создает вполне реальную возможность выйти на более высокий уровень в формировании национальнокультурной казахстанской идентичности на основе диалога культур. Национальная уникальность Казахстана характеризуется его расположением между Европой и Азией, образом жизни, национальными традициями и ценностями, национальным характером казахов как коренного народа Казахстана.

Формирование характера индивида, личности происходит под влиянием общественного бытия личности, усвоения социального опыта определённой социальной группы или общности, что порождает «типические черты характера, определяемые типическими обстоятельствами жизненного пути людей в определенных жизненных условиях» [4].

Именно эти типические черты и можно назвать с большой долей вероятности, национальным характером, имея при этом в виду, что в единстве с социально-типическим в характере выступает его

индивидуальное своеобразие, порождаемое разнообразием неповторимых ситуаций, в которых протекает социализация субъекта, особенностями воспитания и природными предпосылками развития индивидуальности. Каждый народ оригинален и неповторим и созданный им язык, фольклор, традиции и обычаи, история и героика несут черты своеобразной неповторимости, тем самым внося свой бесценный духовный вклад в сокровищницу мировой истории и культуры [5].

Итак, можно прийти к выводу, что понятие национального характера имеет место быть. Национальный характер казахов определяется совокупностью индивидуальных черт, таких, как доверчивость, открытость, добродушие, широта души, гостеприимность, веротерпимость. Вместе с тем, нужно помнить о том, что Казахстан – многонациональная страна, вобравшая в себя также ментальность других народов Казахстана.

Необходимо отметить, что в Казахстане сегодня формируется новая ментальность его граждан. Это обусловлено появлением новой системы ценностей, в основном материальных, поскольку налицо сильнейшее расслоение социума на элиту, характеризующуюся прагматическим, утилитарным отношением к жизни, и малообеспеченными членами общества, вынужденных выживать в непростых условиях современности. Таким образом, произошла своего рода подмена ценностей, образовались новые подходы к жизни, истории и культуре своего народа, в результате которой природные черты характера казахов значительно трансформируются под влиянием изменяющихся условий жизни. Новая мораль и новая система ценностей изменяют сознание людей. Появляется новая ментальность, которая в прошлом, как состояние духа народа, опиралась на традиции и культурное наследие. Ныне появляются уже иные транкультурные ценности, которые оказывают значительное влияние на менталитет нации. Менталитет проявляется в позициях, ценностных ориентациях, мировоззренческом и поведенческом стереотипах, исторических традициях, образе и укладе жизни людей, а также в языке. Формируясь в ходе исторического процесса, менталитет образует ту духовно-поведенческую специфичность, которая делает представителей одного народа непохожими на представителей других народов, и в силу этого он становится важным фактором самоидентификации той или иной общности.

По мнению Радугиной О.А. понятием «менталитет» можно описать устойчивые социально-психологические основания культуры, которые

выполняют программирующую функцию, служат матрицей, образцом культуротворческой деятельности людей в длительном временном промежутке. Матрицей, образцом этой деятельности для малых временных промежутков выступают культурные парадигмы [6].

Для каждого конкретного исторического этапа характерна своя специфическая культурная парадигма. Рассматривая нужный нам социокультурный аспект парадигмы, отметим, что культурная парадигма представляет собой образец формирования смысла бытия людей в культуре, способ упорядочения фактов действительности, который закрепляется и находит выражение в формах духовной и практической жизни. Она выступает ведущим способом бытия языка и материального мира, общей доминантой во всех сферах культурной жизни, являясь внутренним смысловым стержнем культурной целостности. Культурная парадигма – это образец формирования смысла бытия людей в культуре, способ упорядочения фактов действительности, который закрепляется и находит выражение в формах духовной и практической жизни. Она выступает ведущим способом бытия языка и материального мира, общей доминантой во всех сферах культурной жизни, являясь внутренним смысловым стержнем культурной целостности [6].

Культурную парадигму казахстанского общества можно рассматривать с двух ракурсов. Один из них – это ориентация на европейскую культуру, в которой ныне господствуют индивидуалистические формы сознания. Целью культуры становится удовлетворение физиологически-вкусовых ощущений, прихотей. Искусство подменяется утилитарным производством, принимаемым массами в силу своей общедоступности и понятности. Маркетизация искусства и культуры, вводя монетарный критерий в качестве единственного способа оценки, по сути, разрушает саму возможность постановки общественно значимых целей: все цели оказываются возможны исключительно как индивидуальные. Жизненно важные смыслы, сколь-нибудь существенно интегрировавшие индивидов в собственно общество, оказываются за пределами самой возможности оценки – и тем самым теряют всякую свою значимость.

Художник, в результате, становится, мотивирован не к выражению себя и порождению смыслов, а к подделыванию под непритязательный вкус заказчика и следование «модным» трендам. Современное художественное творчество строится не столько на культурных ассоциациях, сколько на зрителя и оригинальности любой ценой, на

отрицании и нередко осмеивании традиционных культурных ценностей. Практически все артефакты культуры становятся товаром, а деньги буквально становятся «всеобщим эквивалентом» [7]. Культурно-функциональные процессы характеризуются: трансформацией характера и средств художественного производства, его превращением в индустрию; сохранением культурной самобытности локальных сообществ; формированием инфраструктуры культурного рынка, ориентированного на модель международного рынка с доминирующей массовой культурой; освоением виртуального пространства как новой культурной среды; поверхностно-однородным потреблением культурной продукции; падением уровня художественного вкуса населения; снижением способности к избирательности - важнейших показателей культурного развития современного общества [7].

Второй ракурс представляет собой стремление быть и оставаться «самим собой», право разных равновеликих «своеобразных и плодотворных традиций, творческих направлений и индивидуальных поисков» [8].

По мнению известного русского ученого Н.С. Трубецкого каждый народ имеет моральное право и обязанность на создание своей самобытной культуры. Только такая культура может помочь человеку стать счастливым, т. е. познать самого себя и быть самим собой. Ведь истинное счастье состоит не в комфорте, не в удовлетворении тех или иных отдельных потребностей, но в равновесии, в гармонической согласованности всех элементов духовной жизни (в том числе и «потребностей»). Из того факта, что каждый народ должен создать собственную культуру, для Н.С. Трубецкого вытекает принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов.

Вместо иерархии, отмечает исследователь И. Крамер, мы получаем горизонтальную структуру, вместо иерархического распределения народов и культур возникает новый принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара. Различные культуры более или менее похожи или не похожи друг на друга, что с самого начала исключает разделение их на «высшие» и «низшие». Из всего изложенного вытекают задачи, стоящие перед европейскими и неевропейскими народами. Подлинная толерантность и отказ от всяческих стремлений к господству, безусловно, необходимы, для того, чтобы обеспечить мирное сосуществование людей [9]. Стремление народов сохранить уникальные черты своей цивилизационно-культурной жизни, формировавшиеся в течение тысячелетий, естественно и закономерно, так как они складывались в

результате отбора наиболее жизнеспособных и совершенных форм, адекватных объективным условиям существования народов [10]. Для сохранения национальной и государственной идентичности должна существовать высокая духовность. Духовная культура казахов неразрывно связана с национальным казахским языком как средством выражения культуры и ее носителем. Вместе с тем велико значение и русского языка как средства коммуникативности, а также возможность свободного развития языков других народов Казахстана.

Язык является «основой национальной культуры», а цель языковой политики – «гармоничное, устойчивое развитие отдельных этносов» [11]. Президент Н.А. Назарбаев справедливо полагает, что для того, чтобы Казахстан успешно интегрировался в мировое сообщество, каждый гражданин должен владеть минимум тремя языками: казахским, русским, английским. Такая позиция лидера государства особенно понятна с точки зрения глобальных вызовов современности. Сегодня знание языков помогает не только получать многообразную и разностороннюю информацию, устанавливать деловые контакты, но и достойно представлять Казахстан на мировой арене в любой сфере деятельности. Изучение государственного языка – это вопрос национальной безопасности, социальной стабильности и интеллектуальной развитости страны. Языковая политика включает общий подход к отбору содержания образования – давать представление о мире через призму культуры своей страны и воспринимать уникальность собственной культуры в контексте глобальных процессов; умение видеть особенности своей культуры в контексте культур других народов и мировой культуры в целом [12]. За все время своего существования Казахстан создал свой особый синтез восточной и европейской культур, образующий свою неповторимую культуру [13]. Только детализированное и тонкое почитание культурных традиций, идущих из глубины веков, способно утвердить новые формы политического мышления, ориентированного на высокие духовные идеалы, где духовная культура, как совокупность разума и чувства, знаний и этики, является универсальной движущей силой человеческого развития, в противовес западной рациональности [14].

Список использованной литературы

1. Монографии: 1. Нысанбаев А.Н. Глобализация и транзитное общество // Саясат. 2001. №12. – С.19-22.

2. Электронные документы: 2. Смотрицкий Е. Глобализация социальной и ментальной деструкции. [Электронный ресурс] //

Научно культурологический журнал: [сайт]. №14. URL:<http://www.relga.ru>(дата обращения 22.10.2013)

3. Электронные документы: 3. Назарбаев обратился к народу Казахстана с ежегодным посланием. [Электронный ресурс] // Eurasian News Fairway: [сайт]. URL: <http://fairway-info.com/nazarbayev-appealed-to-the-people-of-kazakhstan-with-the-annual-message/>(Дата обращения 7.11.2014)

4. Электронные документы: 4. Токташева У.Ш., Ниязбекова С.Ж. Национальный этикет в пословицах и поговорках (на материале казахского, русского и английского языков). [Электронный ресурс] // Научный журнал: [сайт]. URL:<http://www.rusnauka.com/> (Дата обращения 22.10.2013)

5. Монографии: 5. Ахатова Б.А. Политический дискурс и языковое сознание: монография. – Алматы: Экономика. – 2006 г. – 302 с.

6. Статьи: 6. Радугина О.А. Образовательная культура общества как целостный социальный феномен //Журнал: № 1 (61). – С. 130-141.

7. Статьи: 7. Тульчинский Г.Л. Маркетизация гуманизма. Массовая культура как реализация проекта Просвещения: российские последствия. // Человек.ru. Гуманитарный альманах. №3. Антропология в России: школы, концепции, люди. Новосибирск, 2007. – С. 194-216.

8. Диссертации: 8. Ирхен И.И. Российское образование в сфере культуры и искусства: глобальные и региональные измерения: Дис. ...д-ра культурол. наук: 24.00.01 / И.И. Ирхен. – Москва, 2012. – 298 с.

9. Электронные документы: 9. Что означает казахстанский путь культурной интеграции? [Электронный ресурс] // Руханиалем: [сайт]. URL:<http://rukhanialem.psu.kz> (Дата обращения 22.10.2013)

10. Статьи: 10. Крамер И. Критические замечания о европейской культуре (О философии культуры Н.С. Трубецкого) // Европейский альманах. История. Традиция. Культура. – М.: Наука, 1993. – С. 61-64.

11. Диссертации: 11. Хмелевская Г.Б. Доминанты цивилизационно-культурных процессов российского и западноевропейского обществ. Дис. ...д-ра культурол. наук: 24.00.01/Хмелевская Г.Б. - Краснодар, 2005 - 291с.

12. Электронные документы: 12. Концепция языковой политики Республики Казахстан. [Электронный ресурс] // Научные статьи Казахстана: [сайт]. URL: <http://articlekz.com> (Дата обращения 22.10.2013)

13. Электронные документы: 13. С.Т. Ускенбаева. Языковая политика Казахстана в условиях глобализации и ее влияние на образование. [Электронный ресурс] //Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН:

[сайт]. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator>(Дата обращения 22.10.2013)

14. Статьи: 14. Нысанбаев А. Евразийство В ХХІ веке [Текст] / А.Нысанбаев, С.Колчигин, Г.Соловьева // Казахстанская правда. - 2009. - 28 марта (№88-89). – С. 3.

МРНТИ:12.81.67

Р.А. Дарменова, Г.Асан

Қазақ мемлекеттік қыздар педагогикалық университеті

ҚАЗАҚТЫҢ ӨНЕРІ АРҚЫЛЫ БІЛІМ АЛУШЫЛАРҒА ҰЛТТЫҚ ТӘРБИЕ БЕРУ

Аңдатпа

Мақалада Елбасы өзінің «Ұлы даланың жеті қыры» атты мақаласында айтқандай қазақ халқының өткені мен бүгінгі тарихын, салт-дәстүрімізді біздің ұрпақтарымыз ұмытпауы қажет. Қолөнердің Қазақстан территориясында ертеден кең дамығаны, өркендеуі біріншіден, қазақ халқының күнделікті тұрмыста қолдану қажетінен туса, екіншіден, халықтың өнерді құрмет тұтып, жоғары бағалауынан туған жағдай екендігі баяндалған. Әр ұлт өз халқының педагогикасымен сусындап педагогикасымен сусындап, жастардың ұлттық намысын оята отырып, оларды бүгінгі күн талаптарына сай жалпы білім беретін мектептерінде білім алушыларға көркем еңбек сабағында қазақ халқының қолөнерін, оның ішінде Гобелен тоқу өнерін меңгерту, жетілдіруді талап етеді. "Қазіргі таңда жеке адам ғана емес, тұтас халықтың өзі бәсекелік қабілетін арттырса ғана табысқа жетуге мүмкіндік алады. Тарихта қалыптасып келген, сан ғасырлар бойы тұрмысқа байланысты, табиғи құбылыстарды суреттеуге лайықталып келген кілем тоқу түрлерінің, оның мазмұның жаңара түсіп, бет-бедерінде тың мағына беретін туындылар пайда болуда.

Қорыта келгенде, қазақ халқының қолданбалы қолөнері – біздің ұлттық мәдениетіміздің құрамды бөлігі. Оны дамыта отырып, халық шеберлерінің өнегелі өнерін насихаттау, қолөнер бұйымдарының сапасын арттыра беру қажетекендігі баяндалған.

«Біздің жеріміз материалдық мәдениеттің көптеген дүниелерінің пайда болған орны, бастау бұлағы десек, асыра айтқандық емес. Қазіргі қоғам өмірінің ажырамас бөлшегіне айналған көптеген бұйымдар кезінде біздің өлкемізде ойлап табылған. Ұлы даланы мекен еткен

ежелгі адамдар талай техникалық жаңалықтар ойлап тауып, бұрын-соңды қолданылмаған жаңа құралдар жасаған. Бұларды адамзат баласы жер жүзінің әр түкпірінде әлі күнге дейін пайдаланып келеді. Көне жылнамалар бүгінгі қазақтардың арғы бабалары ұлан-ғайыр Еуразия құрылығындағы саяси және экономикалық тарихтың беталысын талай рет түбегейлі өзгерткені туралы сыр шертеді» - деп Елбасы өзінің «Ұлы даланың жеті қыры» атты мақаласында айтқандай қазақ халқының өткені мен бүгінгі тарихын, салт-дәстүрімізді біздің ұрпақтарымыз ұмытпауы қажет. Қазіргі өсіп келе жатқан жастар келешектің дамуына технологиялық, инновациялық жобаларымен өз үлестерін қосу керек. Жалпы кез-келген халықтың қандай халық екені, оның ұлттық намысының, өзін-өзі қадірлей білуінің қаншалықты өскендігі немесе өшкендігі ең алдымен сол халықтың әйелдері арқылы аңғарылады. Өз үйінде тұрмыстық салт қалыптастырып, белгілі тәртіп пен жүйе бойынша ұқыптылық пен жинақтылықтың, іскерлік пен шеберліктің үлгісіне сай болу- қазақ қыздарына қойылатын басты талап. Осы талаптар аясынан табыла отырып, халықтың тұрмыстық, салт дәстүрлеріне құрметпен қарайтын, от басының берекесін сақтауды міндетім – деп санайтын қазақ қыздарын үй шаруашылығындағы тұрмыстық қызметке баулу жанұяда ата-ананың парызы болғанымен, арнайы кәсіптік оқыту бағдарымен берілер болса, әрине ол отбасының бақытқа – әйел бақытына бастайтын сәтті қадамы болмақ. Соның негізінде болашақ ұстаз қыздарымыздың халқымыз ғасырлар бойы жиып терген салт-дәстүрін күнделікті өмірде қолдана біліп, берекесін кіргізетін, эстетикалық талғамы жоғары, кәсіби, технологиялық құзіреттіліктері қалыптасқан, жан-жақты ісмер де шебер қазақ қызын тәрбиелеу біздің басты міндетіміз. Сонымен қатар, Н.Назарбаев болашақта ұлттың табысты болуы оның табиғи байлығымен емес, адамдарының бәсекелік қабілетімен де айқындалатынын қадап айтты.

Бастауын көне түркілерден алып жатқан аса бай көркемдік дәстүрлерді бойына жинақтаған, қазақ халық өнерінің ең бір маңызды түрлерінің бірі – кілем тоқу. Халық қолөнер шеберлерімен қатар арнаулы білімдері бар суретшілер соңғы кезде тақыр кілем, терме алаша тоқудың жаңа тәсілі "Гобелен" дайындауды қолға алуда. Гобеленнің тоқылу мәнері, терме алаша, түкті кілемге ұқсағанымен жалпы ою-өрнек суреті сирек қолданылады. Көпшілігінде адам, мал, дала, құрылыс, білім мәдениет тақырыбындағы суреттер өте жиі кездеседі. Гобелен тоқудың өзіндік ерекшеліктері бар. Оның жай кілемге қарағанда жіптері сан алуан болып, өрмек теруінде бір кілемнің өзінде түкті

және түксіз өрмектер араласып келе береді. Сондай-ақ кейде өрнек жіптері тоқылмай қалатын өрістері де болады. Мұндай тоқылмаған өрнек жібі қиылмайды. Сонымен – гобелен тақыр және түкті кілем тоқу әдіс тәсілдерін қолдана отырып тоқылған сюжеттік кілемше. Қазақстан табиғатының сулулығы мен ерекшелігі оның құрылымы мен негізгі халық творчествосының өзегімен үндесіп жатқан гобелендік панносында жаңа қырымен жарқырай көрінді. Гобеленнің Қазақстанда дамуына кескіндеме үлкен әсер етті. Кескіндемелік картина тәрізді гобеленде де кеңістіктік пен бояу үйлесімділігінің күрделі мәселелері өз шешімін тауып, көп фигуралық тақырыптық, кейініректе абстрактілі композицияда іске асып жатты.

Тарих қойнауында

гүл десте

Кәсіптік оқыту мамандығының студенттері тоқыған гобелен

Қазақстан гобелен мектебінің өзгешелігін – қазақтың ұлттық дәстүрлері мен Европалық дәстүрлердің өзіндік ұлттық стилистиканы қалыптастыру барысында жымдасып жатуынан, сонымен бірге авторлық ізденістердің сан алуандығынан көруге болады. Қолөнердің Қазақстан территориясында ертеден кең дамығаны, өркендеуі біріншіден, қазақ халқының күнделікті тұрмыста қолдану қажетінен туса, екіншіден, халықтың өнерді құрмет тұтып, жоғары бағалауынан туған жағдай екендігі баяндалады. Әр ұлт өз халқының педагогикасымен сусындап, жастардың ұлттық намысын оята отырып, оларды бүгінгі күн талаптарына сай жалпы білім беретін мектептерінде оқушыларға технология сабағында қазақ халқының қолөнерін, оның ішінде Гобелен тоқу өнерін меңгерту, жетілдіруді талап етеді. "Қазіргі таңда жеке адам ғана емес, тұтас халықтың өзі бәсекелік қабілетін арттырса ғана табысқа жетуге мүмкіндік алады. Бәсекелік қабілет дегеніміз – ұлттың аймақтық немесе жаһандық нарықта бағасы, я болмаса сапасы жөнінен өзгелерден ұтымды дүние ұсына алуы. Бұл материалдық өнім ғана емес, сонымен бірге, білім, қызмет, зияткерлік өнім немесе сапалы еңбек ресурстары болуы мүмкін" – деді Елбасы. "Сондықтан, әрбір қазақстандық, сол арқылы тұтас ұлт ХХІ ғасырға лайықты қасиеттерге ие болуы керек.

Тарихта қалыптасып келген, сан ғасырлар бойы тұрмысқа байланысты, табиғи құбылыстарды суреттеуге лайықталып келген кілем тоқу

түрлерінің, оның мазмұның жаңара түсіп, бет-бедерінде тың мағына беретін туындылар пайда болуда. Бүгінгі күні гобелен – техника күрделілігі мен істеу мерзімінің ұзақтығына қарамастан, Қазақстан сәндік өнерінің ішіндегі ең көп тараған әрі сүйіспеншілікке бөленген түрлерінің бірі. Ол әртүрлі көрмелерге сұраныс пен қойылып көрерменнің ықыласына бөленіп, қазіргі замандық ғимараттардың интерьерін көркемдеудің басты бөлшегіне айналды. Бұл сөзсіз шығармашылықтың осы түріне көптеген талантты шеберлерді тартып, жаңа тамаша туындылардың өмірге келуіне игі әсерін тигізді. Қорыта келгенде, қазақ халқының қолданбалы қолөнері – біздің ұлттық мәдениетіміздің құрамды бөлігі. Оны заманауи бағытта дамыта отырып, халық шеберлерінің өнегелі өнерін насихаттау, қолөнер бұйымдарының сапасын арттыра беру қажет.

Әдебиеттер

1. Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру, 26.04.2017 //Егемен Қазақстан.
2. «Ұлы даланың жеті қыры» Елбасының мақаласы, 21 қараша 2018 ж.
3. Марғұлан А.Х. Қазақ халқының қолданбалы өнері. Т.2. – Алма-Ата, 1987.
4. Жанибеков У. Казахские домашние художественно ремесло. – Алма-Ата, Кайнар,1990.

МРНТИ:12.81.67

Чонгаров Е., к.ф.н., асист. проф,
Аширимбетова М., ст. преподаватель,
Лукашова С. – ст. преподаватель,
Университет им. Сулеймана Демиреля

**ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ
УНИВЕРСИТЕТОВ В КАЗАХСТАНЕ**

Казахстан – одна из демократических стран, уделяющая все больше внимания на предоставление возможностей развитию и реализации интеллектуального потенциала своих граждан. Согласно статье 30 Конституции Республики Казахстан гражданам гарантируется бесплатное среднее образование в государственных учебных заведениях. Гражданин имеет право на получение на конкурсной основе бесплатного высшего образования в государственном высшем учебном заведении. А получение платного образования в частных учебных заведениях осуществляется на основаниях и в порядке, установленных законом.

В годы независимости Казахстан построил собственную образовательную систему ориентированную на передовые мировые аналоги. В течении двадцати трех лет реформирована вся образовательная система, введены новые стандарты образования, наряду с государственными образовательными учреждениями открыты и платные учебные заведения. Эти нововведения коснулись и сектора высшего образования, за эти годы многие бывшие государственные высшие учебные заведения стали акционерными обществами, открылись множество частных вузов, высшие учебные заведения стали открываться разного вида. Согласно пункту 2, статьи 35 закона Республики Казахстан от 27 июля 2007 года № 319-III «Об образовании» профессиональные образовательные учебные программы высшего образования реализуются в высших учебных заведениях. Основными видами высших учебных заведений являются национальный исследовательский университет, национальное высшее учебное заведение, исследовательский университет, университет, академия, институт и приравненные к ним (консерватория, высшая школа, высшее училище). Среди вузов можно встретить и те, которые открылись совместно с иностранцами. Согласно пункту 4, статьи 65 закона «Об образовании» создание международных и иностранных учебных заведений в Республике Казахстан и (или) их филиалов осуществляется на основе международных договоров или по решению Правительства Республики Казахстан. Присвоение статуса международной школы осуществляется по решению Правительства Республики Казахстан в [порядке](#), определяемом им. Ныне в Казахстане функционируют более десяти международных и совместных вузов. Они все работают по казахстанским стандартам образования и находятся под контролем министерства образования и науки Республики Казахстан.

В связи с новыми задачами, поставленными перед системой образования в таких программных документах, как «Стратегический план Министерства образования и науки Республики Казахстан на 2014-2018 годы» от 15 декабря 2014 года, «Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011-2020 годы» от 7 декабря 2010 года и Послание Президента народу Казахстана "Нурлы Жол – путь в будущее" от 11.11.2014 года в системе высшего и послевузовского образования главной целью работы на предстоящие годы станет достижение качества высшего образования, способствующего инновационному развитию экономики и обеспечению подготовки конкурентоспособных кадров. Для достижения этой цели государство выделяет огромные ресурсы, например, в рамках программы индустриализации определены 10 вузов, на базе которых будет обеспечиваться связь науки с отраслями экономики и подготовка кадров. Президент Республики Казахстан лично поручил сформировать материально-техническую базу этих учебных заведений, направив на эти цели до 10 миллиардов тенге до 2017 года. На данный момент все вузы страны ориентированы на подготовку конкурентоспособных кадров, каждый вуз по своему старается улучшить качество подготовки будущих специалистов. На этом фоне особо выделяются международные вузы подготовливающие кадры со знанием нескольких языков. Сегодня некоторые из международных вузов обрели популярность среди населения и считаются одними из передовых вузов страны. Ниже мы хотим остановиться на некоторых из них.

В Казахстане одним из первых был учрежден [Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Яссави](#). Согласно Общей декларации Алма-атинской встречи на высшем уровне, прошедшей с 29 апреля по 1 мая 1992 между президентом Казахстана [Нурсултаном Назарбаевым](#) и Премьер-министром Турецкой Республики, Сулейман Демирель, между двумя странами было подписано «Соглашение о сотрудничестве в областях образования, науки, культуры, и спортивных состязаний» от 1 мая 1992, где было решено, что Туркестанский Государственный Университет должен стать университетом обеих стран. Меморандум о намерениях был подписан 28 сентября 1992 в Анкаре. «Соглашение о Создании Международного Казахско-Турецкого университета имени Ходжи Ахмета Яссави в [городе Туркестан](#)» было подписано 31 октября 1992 между правительствами

двух стран на Встрече на высшем уровне президентов тюркоязычных стран в Анкаре. Соглашение вступило в силу после того, как оно было ратифицировано законодательным актом № 3904 от 29 апреля 1993 Турецкого Великого Национального Собрания (Парламента Турции). Данный акт был опубликован в 21571-й выпуске «Официальной Газеты», датированной 4 мая 1993 года.

Казахстанско-Американский свободный университет (КАСУ) является частным ВУЗом международного партнерства. В торжественных церемониях его открытия в 1994 году и вручения дипломов первым выпускникам личное участие принял Президент РК Н.Назарбаев, являющийся его первым «Почетным профессором». Модель вуза включает две программы: американскую и казахстанскую. В рамках Американской программы осуществляется подготовка бакалавров и магистров в сфере менеджмента, права, информационных систем и иностранного языка, докторов Ph.D. при содействии Попечительского, Наблюдательного Советов и Фонда (США). Их инвестиции в образовательные программы и поддержку технической базы вуза составляют около 300.000 долларов в год. Обучение ведется на английском языке с привлечением специалистов из США, Канады, Европы и Австралии.

Казахстанско-Немецкий университет (КНУ) был основан в 1999 году по частной инициативе с целью подготовки специалистов по немецкому стандарту. Он является единственным немецким вузом в Казахстане и Центральной Азии. В 2004 году прошёл аттестацию Министерством образования и науки Республики Казахстан, аттестацию Германской службой академических обменов – подтверждение высокого качества обучения в КНУ. В том же году от Министерства образования и науки Казахстана было получено специальное разрешение на обучение по немецким учебным программам. В 2007 году было подписано Соглашение между Министерством иностранных дел ФРГ и Министерством образования и науки Казахстана, которое предусматривает интенсивную поддержку университета со стороны обоих государств. Лучшие студенты имеют возможность получить как казахстанский, так и немецкий диплом, которые будут признаваться как в Казахстане, так и в Германии и Европе. Обязательным условием получения немецкого диплома является учеба в немецком вузе-партнере в течение 2 семестров.

Казахстанско-Британский технический университет (КБТУ) учрежден Постановлением Правительства Республики Казахстан от 3 августа 2001 года №1027 в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании между Министерством образования и науки Республики Казахстан и Британским Советом. С казахстанской стороны учредителем является Правительство Казахстана, уполномоченным органом – Министерство образования и науки Республики Казахстан. Становлению университета активно содействовали и продолжают оказывать содействие Администрация Президента, Министерство образования и науки, Министерство энергетики и минеральных ресурсов, Министерство финансов, Агентство по стратегическому планированию, Посольство Казахстана в Лондоне, Фонд образования Н.Назарбаева. Из них четыре ведомства представлены в Совете Директоров Университета. С британской стороны партнерами КБТУ стали Посольство Великобритании в Казахстане и его основной представитель - Британский Совет. Образовательные и сопутствующие консультативные услуги предоставляют: Абердинский университет и Университет имени Роберта Гордона (г. Абердин); Университет Хериот-Уотт (г. Эдинбург) и Вестминстерский университет (г. Лондон). Эти университеты имеют углубленные учебные программы "Нефтегазовый промысел" и "Деловое управление". Более того, они занимают лидирующее положение на образовательном рынке нефтегазовой отрасли во всем мире.

Хотелось бы подробнее рассказать о Международном Вузе, который собирается отпраздновать 20-летний юбилей успешного функционирования в глобальном пространстве высшего образования Казахстана. Университет имени Сулеймана Демиреля (СДУ) образован 12 декабря 1996 года в соответствии с Постановлением Правительства РК с участием президента Республики Казахстан Н.Назарбаева, а также экс-президента Республики Турции Сулеймана Демиреля. Государственный орган управления - Министерство образования и науки. Высший орган управления – Учредитель: Международный общественный фонд «КАТЕУ». Исполнительный орган-Ректор СДУ-Ph.D - Канат Кожахмет.

По инициативе международного общественного фонда КАТЕУ было запланировано построить кампус на 140000 кв.м. (на 14 га). Накануне 20-летия независимости Республики Казахстан были сданы в эксплуатацию 40000 кв.м. 2011-2012 учебный год начался в новом

современном здании «Smart Campus», в г. Каскелен, Алматинской области. Планируется завершение строительства всего проекта к 2018 году. По окончании строительства в кампусе будут функционировать 8 факультетов, рассчитанных на 7000 студентов. В проект строительства кампуса входят: ректорат, конференц-зал, аудитории, научно-исследовательские центры, Дом студентов на 2400 мест, поликлиника для студентов и персонала, столовая, крытый стадион, теннисный корт, а также жилой комплекс для профессорско-преподавательского состава и детский сад.

Университет стремится стать ведущим высшим учебным заведением страны, достойно представляющим отечественную высшую школу в мировом академическом, интеллектуальном, научном и деловом пространстве, предоставляющим обучающимся конкурентоспособное образование и навыки по компьютерным и математическим наукам, филологическим, юридическим, экономическим и бизнес-направлениям, международным отношениям, проводящим качественные научные исследования на благо национальной экономики Казахстана и соответствующим современным тенденциям развития человечества и мирового сообщества. Университет базируется на своих лучших традициях, накопленных годами. У вуза есть своя миссия - подготовка высококвалифицированного и конкурентоспособного специалиста через обеспечение многоуровневого инновационного образования, соответствующего международным стандартам качества, способствуя укреплению дружбы и братства казахского и турецкого народов, развивая и укрепляя философию совместного сотрудничества, разделяя ответственность, бережно относясь к прошлому и ориентируясь на будущее, внося посильный вклад в развитие Республики Казахстан, опираясь на общегуманистическую концепцию мира.

СДУ стремится добиться международного признания путем вхождения в число 10 лучших вузов Казахстана среди многопрофильных университетов, в число 5000 по мировому рейтингу вузов и в число 500 по международному рейтингу- QS. Основными конкурентами СДУ на рынке образовательных услуг являются: Казахский национальный университет имени аль Фараби; Евразийский национальный Университет им. Л.Гумилева; Казахстанско-Британский Университет; Международный университет информационных технологии; КИМЭП. Основными преимуществами СДУ перед

университетами-конкурентами являются: осуществление непрерывной системы подготовки специалистов на уровнях: бакалавриат–магистратура–докторантура на английском языке; специализированная направленность подготовки кадров; реализация принципа доступности образования; финансовая независимость; высококвалифицированный кадровый состав, включающий известных ученых в области экономических, технических, физико-математических, филологических и юридических наук.

В соответствии с государственной лицензией от 03.02.2010 г. на право ведения образовательной деятельности в сфере высшего и послевузовского профессионального образования, выданной Комитетом по контролю в сфере образования и науки МОН РК, СДУ осуществляет подготовку специалистов по 18 специальностям бакалавриата, 7 программам магистратуры и по 5 программам докторантуры. В университете обучаются студенты многих национальностей республики, а также из Турции, Китая, Монголии, Испании, Узбекистана, Кыргызстана. В профессорско-преподавательский состав (ППС) привлечены специалисты из Турции, Англии, Индии, Азербайджан, Филиппин, Канады, Швейцарии, США, а также высококвалифицированные казахстанские специалисты.

СДУ активно сотрудничает с 75 зарубежными и Казахстанскими вузами по программам внутренней и внешней академической мобильности. Уникальностью образовательных дисциплин в вузе является включение модулей, выходящих за рамки квалификации, который дает реальную возможность будущему специалисту освоить дополнительные компетенции, что позволяет ему расширить спектр деятельности. К примеру, турецкий язык является вузовским компонентом и дает возможность студентам проходить производственную практику в банках Турции второго уровня, учиться по программе академической мобильности в Турции.

В целях улучшения качества образования обучающимся университета предоставляются дудипломные программы. Обучающимся университета в рамках одной ОП предлагаются образовательные программы зарубежных университетов. Заключены Меморандумы о сотрудничестве с зарубежными вузами, такими как Университет Вистула (Польша), Университет Ататюрк (Турция), Университет Фатих (Турция), Университет Кастамону (Турция), Университет Бирмингем

(Великобритания); Северно-Американский Колледж (США) и др. На данный момент в университете представлены дудипломные программы между СДУ и университетом Лидс Метрополитан (Англия) по экономике (3+1) три года в СДУ и один год в Лидс Метрополитан. Имеется договор о предоставлении образовательной услуги по программе докторантуры между СДУ и Кебанг Сан (Малайзия) по специальностям инженерия и экономика (2+2).

СДУ принимает участие в общем рейтинге высших учебных заведений Казахстана, организованными НКАОКО, НААР. В институциональном рейтинге Университетов РК, принявших участие в данном мероприятии, СДУ занимает 16 место в РК. В 2014 году СДУ участвовал в рейтинге образовательных программ вузов Казахстана и вошел в «ТОП 10» ВУЗов по компетенциям выпускников, по мнению работодателей, готовящих наиболее конкурентоспособных специалистов, а также уделяющих должное внимание качеству знаний, развитию инициативности, коммуникативных навыков и творчества студентов.

В настоящее время СДУ имеет обязательства по выполнению научно-исследовательских работ в рамках государственного заказа по бюджетной программе "Научная и/или научно-техническая деятельность", по подпрограмме «Грантовое финансирование научных исследований»: по приоритету: интеллектуальный потенциал страны на 2015-2017 гг., по темам: 1) «Механизм сокращения неофициального рынка труда и неформальной занятости в Республике Казахстан»; 2) «Построение плюралистической модели общества в Казахстане»; 3) «Внедрение предметно-языкового интегрированного образования в учебный процесс в контексте государственной программы «Использование и развитие языков на 2011-2020 годы в Республике Казахстан».

По результатам социологического опроса степень удовлетворенности ППС своей работой в вузе – достаточно высокая. Важными критериями были выделены: обеспечение каждого преподавателя комфортабельным рабочим местом – персональный компьютер, свободный доступ к Интернету, помещением (один кабинет для двух преподавателей); бесплатные обеды; учет мнения преподавателей при принятии решений; демократичность всей системы взаимоотношений между сотрудниками университета, включая руководство; организация детского сада для детей преподавателей; открытие тренажерного зала для занятий спортом; организация летнего отдыха для детей ППС;

ежегодное финансирование ППС на поездку в зарубежную командировку для участия в конференции с докладом. Согласно положению “О научных гонорарах за опубликованные труды ППС” университет гибко поощряет публикацию различных работ ППС в различных изданиях. Размер стимулирующих премий колеблется от 100 до 1000 долл. США в зависимости от уровня публикации. Например, общая сумма вознаграждения 36 сотрудников в 2013 году составила 11.244 долларов США. В настоящее время научно-исследовательская работа университета согласно утвержденному плану НИР на 2010-2015 годы проводится по 42 научным проектам, охватывающих решение экономических, технико-технологических, социальных, образовательных, юридических и других актуальных проблем. Из них 14 являются фундаментальными, 8 – прикладными и 4 – опытно-конструкторскими, хоздоговорные проекты – 4. Эффективность зарубежных поездок профессорско-преподавательского состава заключается не только в повышении квалификации самих преподавателей, но и в возможности распространения своего опыта на уровне кафедры, факультета и университета, обмена опытом, разработки новых курсов, развитию и активизации научных интересов преподавателей, направленных на обеспечение качества преподаваемых дисциплин.

По результатам другого социологического опроса студентов 1-го курса СДУ выбирают по положительным рекомендациям, качеству преподавания, позитивного/дружественного климата, месторасположения университета, приемлемой ценовой политики. Особенно следует отметить, что одной из причин выбора СДУ абитуриентами является факт отсутствия коррупции в вузе. Основная работа по развитию социально-общественной жизни обучающихся в СДУ проводится через студенческие клубы-25 студенческих организаций, так называемые клубы по интересам, что также привлекает абитуриентов.

Трудоустройством выпускников и поддержанием дальнейшей связи с ними занимается Отдел связи с общественностью и карьеры СДУ. За 2014 год в центр карьеры обратилось 366 человек, 272 из которых были трудоустроены, что составляет 73% от числа обратившихся. Отдел осуществляет устройство студентов на практику и стажировку в компании, которые являются партнерами СДУ. Список компаний регулярно обновляется и дополняется, так в 2014 году 30 предприятий предоставили места практики и стажировки для студентов. В 2014 году

при университете была открыта Ассоциация выпускников СДУ, назначен Президент и 10 членов попечительского совета.

Мы полагаем, что модель «Университет им.Сулеймана Демиреля» может быть использована для создания других международных вузов в Республике Казахстан.

Список использованной литературы:

1. Высшее образование Казахстана в контексте Болонского процесса – научно-методический сборник. – Алматы, 2014.
2. Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2011-2020 годы. – Астана, 2010.
3. Отчет по итогам самооценки в соответствии со стандартами институциональной аккредитации. – СДУ, Каскелен, 2014.
4. Послание Президента народу Казахстана "НурлыЖол – путь в будущее" от 11.11.2014 года.
5. http://ksu.edu.kz/files/nauka/materialy_konferencii/3/gumanitagnie_nauki/ajtmuhambetov_a_ardabaeva_f_zh.pdf.
6. <http://univision.kz/vuzy/kategory/%D7%E0%F1%F2%ED%FB%E9.html>.
7. https://ru.wikipedia.org/wiki/Международный_казахско-турецкий_университет_имени_Х.А._Яссави
8. https://ru.wikipedia.org/wiki/Казахстанско-Британский_технический_университет
9. http://www.mathnet.ru/php/organisation.phtml?option_lang=rus&orgid=2828
10. <http://univerlife.kz/kz/university/view/id/15>
11. <http://sorbonne.kaznpu.kz/ru/3/news/>

МАЗМҰНЫ/СОДЕРЖАНИЕ

Турарбекова Л.В., Ашимова Р.М., Карымсакова К.К., Маткаримова Л.К. «Что такое просвещение?» – к вопросу об антропологических основаниях казахстанской модернизации.....	3
Taranto Pascal. «From the transmission of knowledge to the digital transition: the great challenge of universities».....	21
Медеуова К.А. «Эпистемологический разрыв и рандомная антропология».....	25
Ибжарова Ш.А., Урузбакиева З.К. «Тренды высшего образования стран азиатско-тихоокеанского региона».....	35
Yelena V.Muzykina. «What future will kazakhstan choose for teaching ethics in economy?».....	63
Жантаева А.А., Кушкинбаева Ж., Метербек Д., Шакирова А. «Ұйым қызметін кешенді талдауын ақпараттық қамтамасыз ету мен қолданылатын әдістері».....	75
Царанок Е. «Role of the regional academic cooperation in centralasiain the next erasmus+ framework (2021 - 2027)».....	82
Михайлова Н.А. «Новая ментальность и культурные парадигмы развития современного казахстанского общества».....	91
Дарменова Р.А., Асан Г. «Қазақтың өнері арқылы білім алушыларға ұлттық тәрбие беру».....	99
Чонгаров Е., Аширимбетова М., С.Лукашова «Основные аспекты создания международных университетов в казахстане».....	103

«Қазақстан Республикасында халықаралық білім беру жобаларын жүзеге асырудың тарихын, проблемаларын және келешегін көп қырлы зерттеу» жобасы шеңберіндегі «Жаһандық әлемдегі халықаралық білім беру жобаларының экономикалық рөлі» халықаралық ғылыми іс-шараларының екінші циклінің материалдары
2019

Материалы второго цикла международных научных мероприятий «Экономическая роль международных образовательных проектов в глобальном мире» в рамках проекта «Многоаспектное исследование истории, проблем и перспектив внедрения международных образовательных проектов в Республике Казахстан»
2019

Materials of the second cycle of international scientific events "The economic role of international educational projects in the global world" within the framework of the project "Multidimensional study of the history, problems and prospects of the introduction of international educational projects in the Republic of Kazakhstan"
2019

Басуға 12.10.2019 ж. қол қойылды. Пішімі 60x84 ¹/₁₆.
Қаріптүрі «Times New Roman». Riso басылым. Сықтықар қағазы.
Көлемі 7,0. Таралымы 100 дана. Тапсырыс 21.

050010, Алматы қаласы, Достық даңғылы, 13
Абай атындағы ҚазҰПУ

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің
«Ұлағат» баспасының баспаханасында басылды.